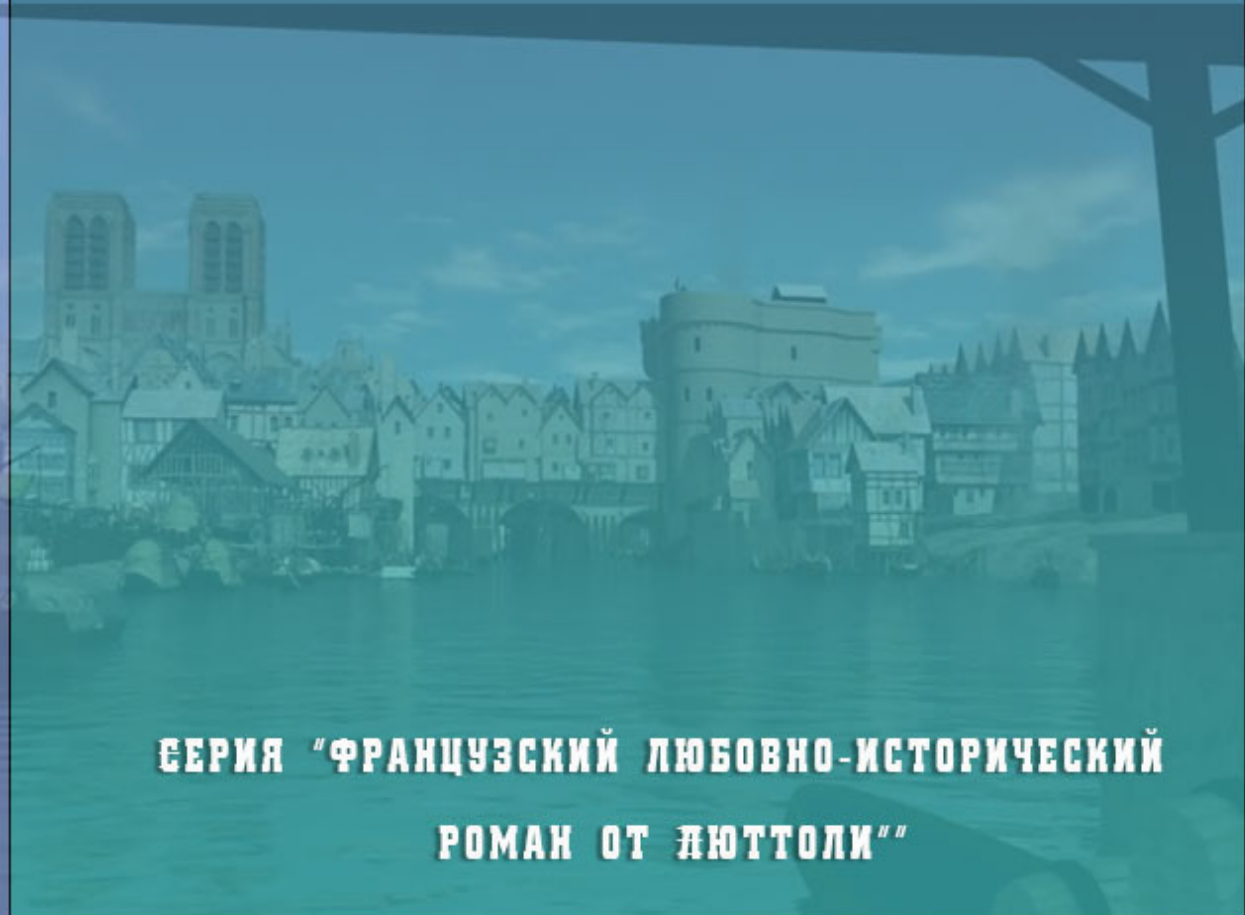

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

Д'АРМАНЬЯКИ-2

НАСЛЕДНИК АРМАНЬЯКОВ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
ЧТОБЫ ПОКАРАТЬ ГЕРЦОГА БУРГУНДСКОГО

СЕРИЯ "ФРАНЦУЗСКИЙ ЛЮБОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН ОТ ЖЮТТОЛИ"

Французский любовно-исторический роман от Люттоли

ЛЮТТОЛИ

Д'Арманьяки-2

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Д'Арманьяки-2 / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович»,
— (Французский любовно-исторический роман от Люттоли)

ISBN 978-5-903382-03-3

Майрал, дочь главного визиря султана, влюбляется в осуждённого к казни пленника гуяра из дикого отряда мамлюков. Майрал упрашивает отца пощадить пленника. Эта просьба становится причиной целой череды обстоятельств, которые проливают свет на рождение мамлюка. Узнав, что этот человек граф Д'Арманьяк, визирь помогает ему отправиться во Францию. Майрал вместе со своей служанкой тайно отправляется вслед за ним. По прибытию во Францию, граф Д'Арманьяк узнаёт, что у него есть сестра и её собираются выдать замуж за Монтегю, человека предавшего их отца.

ISBN 978-5-903382-03-3

© Люттоли
© Агаджанов Людвиг Ашотович

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	53
Глава 15	57
Глава 16	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Луи Бриньон Д'Арманьяки 2

Глава 1

Сентябрь 1422

Все три колокольни аббатства Бернардинцев отзвонили вечернюю службу. В то время как монахи гуськом пересекали внутренний двор аббатства, к воротам подъехали два запыленных всадника. Один из них спешился и громко постучал в ворота. И сам стук, и облик человека с глубоким шрамом на лице, выдавали крайнюю нетерпеливость. Она отчётливо проявилась в тот миг, когда ворота монастыря отворились. Прибывший отстранил рукой монаха, отворившего ему дверь и, оставив своего спутника в одиночестве дожидаться его возвращения, поспешно вошёл внутрь. По всей видимости, он прекрасно знал дорогу, ибо, не задерживаясь вошёл внутрь одной из каменных построек, и миновав несколько довольно запутанных коридоров, вступил в маленький зал. Зал тот являл собой простоту и скромность. За исключением святых образов, исповедальни и большой статуи Иисуса Христа, здесь ничего не имелось. Иными словами говоря, он напоминал не что иное, как часовню. Одну из многих, имеющихся в аббатстве. Отличие этой часовни от всех остальных состояло в том, что сюда заглядывали лишь избранные братья монашеского ордена. Об этой «особой» часовне знали все обитатели монастыря. Соответственно, они и не старались попасть в это место, ибо, ко всему прочему такая попытка влекла за собой серьёзное наказание. Однако человека со шрамом эти запреты никоим образом не касались. Уверенный вид являл тому лучшее доказательство. Оказавшись в часовне, он остановился и стал чего-то дожидаться. Ожидание продлилось недолго. За его спиной раздался звук запираемой двери, на который он даже не оглянулся. Он ничего не ответил и монаху, неведь откуда появившемуся перед ним.

– Отец Лануа ждёт вас, брат мой! – тихо произнёс монах.

Вслед за этими словами монах направился к противоположной стене, где было сооружено распятие. Распятие выделялось на общем фоне стены тем, что выступало несколько вперёд. И такой выступ имел определённую цель. Следующие действия монаха показали, какую именно. Он подошёл к распятию с правой стороны и, упёршись в него плечом, надавил. Распятие сразу же поддалось и стало сдвигаться вдоль стены в левую сторону. Человек со шрамом подошёл к распятию, когда рядом с ним открылся проход, ведущий к основанию кривой каменной лестницы. Он первым шагнул в проход. Спустившись на несколько ступенек вниз, он снял со стены горящий факел. В это мгновение распятие над головой сомкнулось. Свет, падающий на лестницу, исчез. Освещая себе путь в темноте пламенем факела, человек со шрамом начал спускаться дальше. Он шёл с уверенностью человека, не раз бывавшего в этом месте. Подземелье очень скоро привело его к входу... в некрополь. Подземное кладбище и умиротворяло и пугало своим безмолвием. Несколько сотен могил окружали кольцом небольшой мавзолей. Почти все могилы украшали скульптуры и изречения. Мраморные кресты чередовались с фигурами крылатых ангелов. Треснутые каменные плиты, служившие дорожкой меж могилами, чередовались с осыпанной местами оградой, что окружала каждую из могил. А в целом, Некрополь напоминал собой живописный мемориал, преданный забвению. Иначе и не могло быть. После того, как подземелье под кладбищем «Невинно убиенных младенцев» раскрыли, именно сюда перебрался орден. Здесь он творил свои чёрные дела. Отсюда управляя всем. На сей раз, памятуя о прошлых событиях, ордену удалось спрятаться от людских взоров достаточно надёжно. Его могли узреть лишь тогда, когда он наносил очередной смертельный удар,

сокрушая своих врагов. Именно здесь, в Некрополе, а если точнее, в мавзолее, находился глава ордена Гилберт де Лануа. Лишь избранные знали, кем именно он является на самом деле. Гилберт де Лануа больше не служил герцогу Бургундскому, но именно с его помощью, получил должность настоятеля аббатства святых Бернардинцев. Эти незначительные изменения позволяли ему напрочь отсечь монастырь от любопытных взглядов. Он властвовал в аббатстве, лицемерно выдавая себя за служителя божьего. Что, несомненно, давало ему определённые преимущества и позволяло не только скрывать истинные вещи, но и укреплять ряды ордена новыми сподвижниками.

Когда человек со шрамом вошёл в мавзолей, Лануа сидел облачённый в епископскую мантию. Его руки лежали на деревянных подлокотниках кресла. А взгляд был направлен в сторону прибывшего человека. За его спиной стояли два монаха. Их лица закрывали капюшоны. За эти годы Лануа совсем не изменился. Тот же острый взгляд и незаметная мрачная усмешка. Сам мавзолей являл собой каменные стены, испещренные множеством надписей.

У мавзолея имелось три двери. Каждая из них имела своё предназначение. Предосторожность, которой всегда пользовался глава ордена. Здесь была ещё одна особенность. Слова, сказанные даже тихим голосом, разносились эхом, повторяясь вновь и вновь. И оттого голос главы ордена навевал ещё больший ужас. Ведь, по сути, разговаривал почти всегда только он один. Остальные слушали или же просто отвечали на вопросы.

Человек со шрамом подошёл к главе ордена и, опустившись на колени, приложился к руке, на которой сверкал огромный перстень.

– Отец, я здесь, как вы мне и приказывали! – с глубоким почтением произнёс человек со шрамом.

– Встань, сын мой! – голос Лануа прозвучал как всегда холодно. Проницательный взгляд прошёлся по человеку со шрамом, едва тот поднялся на ноги.

– Говори! – коротко приказал Лануа.

– Слава отцу нашему Анатасу, мы нашли его! – не скрывая радости, сообщил человек со шрамом. – Долгие месяцы упорных поисков принесли свои плоды. А ведь мы уже и не надеялись. Лишь благодаря удивительному случаю мы узнали, где он скрывается.

Услышав эти слова, глава ордена намертво вцепился руками в поручни и, приподнявшись в кресле, выдохнул:

– Где? Когда?

– Меньше месяца назад. Нам удалось найти одного цыгана по имени Заро. За сотню золотых экую он согласился всё рассказать.

– Не может ли это быть обманом? – Лануа опустил обратно в кресло. Вопрос он задал с изрядной долей сомнения. – Три года мы не могли узнать ничего, и вдруг объявляется цыган, которому всё известно. Мне всё это кажется неправдой.

– Я был такого же мнения, отец мой, – слегка склонившись, отвечал человек со шрамом, – по этой причине, когда мне сообщили радостную новость, самолично отправился в Арль, где у них находится табор, и побеседовал с цыганом.

– И что же ты узнал?

– Всё совпадает, отец мой. Цыган Заро был женихом цыганки по имени Нефиза. Эта Нефиза не кто иная как дочь предательницы Мемфизы.

– Мемфизы? – в голосе Лануа послышалась отчётливая радость. – Рассказывай, сын мой. Рассказывай дальше.

– Так вот. Эта цыганка по желанию матери была отправлена в дом к графу Д, Арманьяку. Как рассказывает цыган, пробыла она там очень короткое время. Когда цыганка вернулась, она принесла с собой ребёнка. Мальчика. Цыган, увидев её с ребёнком, отказался на ней жениться. А как-то раз напился и ударил спящего ребёнка. Это увидела та самая Нефиза. По его словам, она несколько раз пырнула его ножом в отместку за мальчика, и он лишь чудом остался в

живых. Он, после этого случая, затаил зло на свою бывшую невесту. Цыган говорит, что эта девушка как волчица охраняет ребёнка. Она никого не подпускает к нему близко. Ко всем относится с подозрением.

– Похоже, это действительно наш злейший враг...последний оставшийся в живых отпрыск Д,Арманьков. Вы выяснили, где находится цыганка с мальчиком?

– Да, отец мой. По рассказу цыгана, она живёт отдельно от табора. Вроде бы она купила дом в маленькой деревушке между Арлем и Тулоном. Цыган вызвался отвести туда наших братьев. Этой ночью они нападут на цыганку с ребёнком.

– Они должны быть живыми, когда я увижу их! Или же я должен видеть его мёртвое тело, – в голосе главы ордена появилась холодная угроза. – Я предупреждал вас. Я лично должен убедиться в том, что этот мальчик и есть отпрыск Д,Арманьков.

– Наши братья осведомлены и сделают всё, как вы того и желали. Они привезут мальчика сюда.

– Тебе следует вернуться назад на случай непредвиденных обстоятельств. Мы должны исключить любую, даже малейшую возможность спасения мальчика.

– Я немедленно отправляюсь в Арль, отец мой!

Человек со шрамом снова поцеловал руку Лануа и, пятясь назад, покинул мавзолей. Некоторое время после его ухода глава ордена пребывал в глубокой задумчивости. Его лицо снова стало непроницаемым для постороннего взгляда. Лануа редко выдавал свои подлинные чувства. Сегодняшний день стал исключением. И тому была причина. Он никогда не мог смириться с мыслью, что в тот день, когда они сумели уничтожить графа Д,Арманьяк, они упустили новорождённого мальчика. А ведь именно он, являл для ордена наивысшую угрозу. Все эти три года Лануа полагал, что роковое предсказание рушит все их труды и оберегает жизнь мальчика. Эта мысль вносила ужас в душу Лануа, ибо он страшился часа, когда предсказание действительно может осуществиться. Он страшился этого, но не признавался в этом никому. Даже себе. И вот теперь...такая удача. Уже сегодня все его опасения останутся в прошлом. Глава ордена резко поднялся и направился к одному из трёх выходов, имевшихся в мавзолее. Оба монаха следовали за ним по пятам. Через дверь они вышли в соседнее помещение, гораздо меньшее, чем сам мавзолей. Здесь имелся ещё один вход, за исключением того, откуда появились они. В левом углу помещения имелся каменный колодец, наполненный водой. Сюда и подошёл глава ордена. Остановившись у каменного круга, он достал из внутреннего кармана маленький пузырёк с синеватой жидкостью. Вначале он пристально разглядывал его, а затем откупорил и вылил содержимое в воду. Пустой пузырёк полетел в воду вслед за содержимым. После совершённого действия, глава ордена некоторое время пристально смотрел на воду, отслеживая все изменения. Практически за короткое время цвет воды изменился, приняв желтоватый оттенок. Глава ордена отметил про себя эти изменения. Чуть позже по его знаку один из сопровождающих его монахов прошёл к другому выходу и исчез за дверью. Тотчас же за дверью послышался шум. Она снова отворилась. Появились уже три человека. Двое монахов тащили связанного по рукам и ногам молодого человека. Ко всем прочим страданиям, ему и рот заткнули куском грязной материи. Оттого он лишь вращал расширившимися от ужаса глазами вокруг себя, пытаясь понять этот странный ритуал, который, несомненно, его пугал. Пленника подтащили к колодцу. Затем по молчаливому знаку главы ордена, приподняли и поставили на ноги. Руки у пленника были связаны за спиной. Это обстоятельство позволило пропустить палку у него под мышками. С какой целью это делалось, стало ясно позднее, когда те же двое монахов подняли пленника и осторожно опустили в колодец. Воды в колодце оказалось совсем немного. По этой причине один конец палки сразу же упёрся в дно, второй же лёг на верхний край. В виду таких незамысловатых действий, одна половина тела пленника оказалось в воде, а вторая же снаружи. Снаружи осталась и голова пленника, что позволяло ему всё ещё дышать. Едва пленник оказался в колодце, как глава ордена сделал несколько

шагов назад. Все трое монахов последовали его примеру. И все трое вслед за ним устремили напряжённый взгляд в сторону колодца. Вначале пленник лежал тихо. Видимо, он никак не мог прийти в себя. Страх сковал все части его тела. Но мало помалу, он начал дёргаться. Вначале едва заметно. Но с каждым мгновением всё сильнее и сильнее. Пленник стал издавать глухие звуки. Видимо он кричал, но кляп не позволял услышать что именно. Эти звуки усиливались, едва голова, которая постоянно металась из стороны в сторону, касалась воды. Прошло ещё немного времени, и на одежде пленника появились едва заметные дыры. Он начал извиваться всем телом и как следствие, биться о воду. Брызги полетели из колодца, но все четверо сохраняло достаточное расстояние от колодца, чтобы избежать нежелательного соприкосновения. Тем временем мучения несчастного продолжались. Вода буквально начала выедать одежду пленника. На оголённой коже начали появляться мелкие волдыри. Эти волдыри распространялись по всему телу. Затем они начали лопаться. На месте, где они лопались, кожа сходила вместе с волдырями, оставляя на месте кровоточащую рану. Вскоре боль стала совершенно невыносимой. Его лицо посинело. Из рта хлынула пена. Частые конвульсии пленника привели к тому, что его тело начало сползать по палке вниз. Понемногу оно стало погружаться в воду. Один из монахов направился, было, к палке, но Лануа остановил его.

– Уже не имеет значения, – коротко изрёк он, и ещё раз взглянув на левую руку несчастного всё ещё торчавшую над водой, добавил, – яд слишком сильный. Признаки отравления проявляются слишком рано. Это очевидно. И очень опасно. Передайте нашим братьям, пусть найдут средство замедлить действие состава.

Глава 2

Нефиза

Нефиза в сотый раз подошла к окну. Однако, как она ни всматривалась наружу, так ничего и не смогла разглядеть. Кромешная темнота. Даже луны не видно. Лишь звуки. И этот омерзительный... вой. Он повторялся раз за разом заставляя её неосознанно волноваться. В душе у Нефизы появилась странная тяжесть. Как она ни старалась, так и не сумела избавиться от неприятного ощущения надвигающейся беды. Однако очень скоро её мысли направились в другое русло. Она оперлась рукой о стену и, прильнув к стеклу, ещё раз попыталась проникнуть сквозь черноту за окном.

– Где же он? – с беспокойством прошептала она. Она отошла от окна. Посреди маленькой комнаты стоял грубо сколоченный стол. На нём лежал хлеб и кувшин с молоком. Рядом стоял табурет с кривыми ножками. Бегло осмотрев всё это, Нефиза устремила глубоко нежный взгляд на маленького мальчика, который мирно посапывал на топчане в углу комнаты. Одеядо слетело с него на пол, открывая белую ночную рубашку с открытым воротником. Нефиза подняла одеядо, но не стала накрывать мальчика. С ним в руках она села на край постели. Она некоторое время с мягкой улыбкой смотрела на него, а затем отложила одеядо в сторону и, потянувшись, убрала прядь волос с лица спящего мальчика. Он даже не почувствовал это движение. Нефиза разглядывала длинные, русые волосы, рассыпавшиеся на подушке. Смотрела на два румянца, что украшали припухлые щёки. На красивый овал лица и длинные ресницы, которые время от времени вздрагивали. Не удержавшись, Нефиза коснулась рукой головы мальчика и с любовью в голосе, прошептала:

– Ты такой же красивый, как и твой отец!

Внезапный стук в дверь заставил её вздрогнуть. Она резко убрала руку и, поднявшись, направилась к двери. Не открывая засов, Нефиза негромко спросила:

– Кто?

– Я! – раздалось за дверью.

Издав вздох облегчения, Нефиза отодвинула засов, пропуская в дом ночного гостя. Им оказался тот самый цыган, который не раз передавал послание Капелюшу. Бегло оглядевшись по сторонам, он подсел к столу и, взяв кувшин с молоком за горлышко, стал жадно пить. Утолив жажду, цыган вытер рукавом рубашки губы и сразу же заговорил приглушённым голосом.

– Я ненадолго. Меня ждут в таборе.

– Ты узнал? – Нефиза встала перед ним и устремила на него взгляд полный надежды.

– Да, – цыган коротко кивнул. – Графиня Д'Арманьяк вместе с маленькой дочерью переехала в Гасконь. Они и сейчас там.

– С дочерью? – изумлённо переспросила Нефиза. – Как такое возможно? Она же вдова! Ты точно знаешь?

Цыган снова кивнул.

– Я всё разузнал. Дочь родилась сразу после смерти... – цыган запнулся, увидев, что Нефиза погрузилась, услышав эти слова. Чуть позже, он всё же продолжил: – Жаль, что он так и не смог увидеть свою дочь. Говорят, она очень красивая. Вся в мать.

– А почему в Гасконь? Тебе известно?

Цыган в ответ на эти слова, неопределённо хмыкнул.

– Дочь Мемфизы, Гасконь принадлежит дому Д'Арманьяков, как и много других земель. Они поселились в замке Фацензак, – продолжал негромко рассказывать цыган. – Туда же гра-

финя велела перевезти тела покойного графа и девушки по имени Мирианда. Графиня до сих пор ходит в чёрном платье. Все говорят, что она по прошествии трёх лет, всё ещё горюет по своему супругу.

– Ты виделся с ней?

– Мог, но не стал, – нахмурившись, ответил цыган. – Люди из ордена всё время следят за ней. Я видел их собственными глазами. Какое обличье бы не принимали эти убийцы, я всегда узнаю их. Я несколько дней находился возле замка и искал подходящего случая, чтобы поговорить с графиней. Но он так и не представился. Эти монахи везде рыщут. Один из этих убийц устроился в церкви священником. Я узнал его. Он приходил в табор вместе с другими после смерти Мемфизы. Если б тогда они нас застали... – цыган ещё больше нахмурился и продолжал с откровенной ненавистью в голосе: – Я тогда спрятался и видел их всех. Теперь этот человек исповедует графиню. Все его зовут отец Бернар.

– Что же мне делать? – бледнея, прошептала Нефиза.

– Выкинь из головы встречу с графиней, – предостерег её цыган, – ребёнок и дня не проживёт в замке. Они найдут способ убить его. Ей нельзя говорить. Ты должна ещё немного подождать, пока они не забудут о нём и не перестанут искать.

– Этого никогда не произойдёт. А если, ...если обратиться к Д'Арманьякам? – в голосе Нефизы появилась надежда. – Среди них ведь остались друзья моего господина?

– В Осере остался только один человек из друзей твоего господина. Его имя Гийом Ле Крусто. Сейчас он командует всеми Д'Арманьяками. Но им нелегко приходится. Бургундцы начали их теснить, и неизвестно чем всё закончится. Поэтому я тебе повторю мои слова. Ты никому не можешь доверять сейчас, когда мальчика ищут убийцы. Затаись и жди. Ничего больше не остаётся.

– Хорошо, – после недолго молчания вымолвила Нефиза, – я сделаю, как ты говоришь. Я поклялась оберегать жизнь мальчика. Поклялась его отцу. И я не сделаю ничего, что может навлечь опасность на него. А ты..., – Нефиза осеклась, так как в этот миг цыган приложил палец к губам, призывая к немедленному молчанию. Нефиза сразу же насторожилась. И не только она одна. Цыган встал со своего места и бесшумно подошёл к двери. Он некоторое время прислушивался, а затем так же бесшумно открыл дверь и выскользнул наружу. Прошло совсем немного времени, когда он вернулся обратно. Войдя в дом, цыган закрыл дверь на засов и шёпотом, в котором слышалась отчётливая тревога, обратился к Нефизе.

– Дочь Мемфизы, настал для тебя час испытаний. Эти убийцы здесь. Их много. Очень скоро они ворвутся в дом. Быстро собирайся. Я помогу тебе уйти.

Нефиза резко изменилась в лице, услышав эти слова, но присутствие духа не потеряла. Она все эти годы пребывала в беспокойном состоянии и всегда была готова к таким событиям. По этой причине она не стала медлить. В углу лежал небольшой мешок. Она подняла его и быстро закинула за плечи. Затем подбежала к постели и, укутав спящего мальчика в одеяло, подняла его и прижала левой рукой к своей груди. Свободной правой она вытащила пристёгнутый к поясу кинжал и, с решимостью взглянув в лицо цыгана, прошептала:

– Я готова!

Полусонный мальчик так и не проснулся. Он обнял её рукой за шею. Его голова свесилась на плечо Нефизы. Один за другим оба вышли наружу.

– Беги в лес! Он справа от тебя. Темно, они тебя не заметят, – прошептал, было, цыган, но именно в этот миг их заметили. В непосредственной близости от них раздались яростные крики:

– Вот они! Ловите их!

Сразу несколько человек бросилось им наперерез. Цыган преградил им путь и сразу же ввязался в ожесточённую схватку. Сражаясь, он что было силы, закричал Нефизе:

– Беги, я не смогу их остановить!

Не успели эти слова отзвучать, как цыган охнул и начал оседать на землю, поражённый несколькими ударами шпаги одновременно. Но время было выиграно. Нефиза прижимая ребенка к груди, помчалась к изгороди. Сзади слышался шум. Он становился всё ближе и ближе. Послышались крики ярости.

– Ловите эту проклятую цыганку! У неё мальчик!

Нефиза достигла изгороди и здесь чуть замешкалась, пока пролезала между двумя жердями. Ребёнок не позволял сделать это сразу. Пришлось его перекладывать на руки. Она уже почти перебралась на другую сторону, когда почувствовала, как в бок вошла холодная сталь. Она вскрикнула от боли. Сразу же после её крика раздался торжествующий голос:

– Я ранил цыганку. Она сейчас упадёт!

Вслед за криком в изгороди показалась голова. Не мешкая, Нефиза быстро освободила одну руку и нанесла несколько ударов кинжалом по торчавшей голове. Раздались дикие вопли. Нефиза снова прижала к груди мальчика и побежала по полю в сторону леса. Обувь мешала ей бежать. Поэтому она сбросила её, и ещё крепче прижав к груди мальчика, понеслась с огромной скоростью. Вслед за ней раздавались крики и угрозы. Но она не останавливалась и не оборачивалась. Вдалеке раздался конский топот. Услышав его, Нефиза напрягла все свои силы, стремительно приближаясь к лесу. А вот и они... спасительные ряды деревьев. Не останавливаясь, Нефиза укрыла голову мальчика руками и побежала меж деревьев. Сердце бешено отстукивало удар за ударом, ветки хлестали её по лицу, но она слышала лишь одну мысль, что настойчиво билась в голове.

«Беги Нефиза, беги...». И она бежала. Бежала не оглядываясь. Страх за жизнь мальчика гнал её вперёд. Нефиза боялась остановиться. Она знала, что если остановится, больше не сможет сдвинуться с места. В мгновения, когда эта страшная мысль пронеслась у неё в голове, она ещё крепче прижимала к себе мальчика, чувствуя тепло его тела. Ряд деревьев закончился неожиданно. Впереди показались очертания монастырских стен. Достигнув стен, Нефиза побежала вдоль них, свободной рукой нащупывая дверь. Стена, сплошная стена. Она чувствовала, что силы у неё на исходе. Она скоро упадёт. И в этот миг её рука наткнулась на свободное пространство. На её счастье калитка была отворена. Нефиза вбежала внутрь. В глаза бросился слабый огонёк. Не раздумывая, Нефиза побежала в сторону мерцающего пламени.

Сестра ордена доминиканцев Мария сидела в своей келье и читала Библию. На столе горела одинокая свеча. Она освещала одеяние монахини. Камизу, монашеское платье и скапуляр. Шею облегал белоснежный горжет. На голову монахини была наброшена чёрная накидка с белоснежной каймой по краям. Левая рука монахини лежала на Библии, а правая держала крест, вдетый в чётки. На лице её застыла безмятежность. Она предавалась высоким мыслям о господе, когда... дверь её кельи неожиданно распахнулась и на пороге показалась юная девушка, сжимающая на груди ребёнка. Лицо девушки исказила страшная гримаса. Оно совсем посинело. Почти всё платье вымокло от её собственной крови. Кровь струилась по платью и стекала на босые ноги, окрашивая их в красный цвет. Монахиню потряс вид этой девушки. Она вскочила с места и с ужасом вскричала:

– Да ты вся в крови! Тебя надо перевязать...

Девушка прижалась спиной к стене и стала медленно оседать на пол. При этом она не выпускала из рук ребёнка. Оставив крест на столе, монахиня бросилась к ней. Она опустилась на колени перед девушкой и попыталась определить, где находится рана. Едва она начала её ощупывать, как раздался хриплый голос, который постоянно прерывался:

– Закли...наю вас име...нем того...бо. га...кото...ро...го вы лю...бите. Спа...сите ребё...нка...

– Потом поговорим. Сейчас я постараюсь тебе помочь, – прошептала монахиня. Ей удалось обнаружить рану, и она уже собиралась перевязать её, когда раздался душераздирающий крик девушки:

– Нет...

Монахиня оцепенела. В этом крике было столько боли и отчаяния, что рука монахини так и осталась висеть в воздухе. Она подняла взгляд на девушку и...вздрагнула всем телом. Мольба, слёзы в её глазах... выворачивали ей душу.

– Ему не...кому по...мочь кроме вас, – посиневшими губами зашептала девушка, – маль...чик...на моей...гру...ди...един стве нный наследник ро. да Д,Арма...ньяков...его отца...уби...ли. За ним то...же гоня. тся убийцы. Они ско...ро...будут здесь и тог...да все ум...рут. Его на...до спасти. Увез...ти из Фран...ции. Здесь...они убьют...его. В мешке...за моей спи...ной...там две бумаги...они очень...важ...ные...там напи...сано... что этот маль...чик...граф Д,Арманьяк. Там есть...деньги...золото...возьмите всё и уве. зите маль...чика дале...ко отсюда...сейчас...сейчас...сейчас...скорее... – вместе с последним словом отлетела и душа девушки. В открытых глазах застыла мольба. Монахиня с глубоким состраданием смотрела на неё. Прошептав короткую молитву, она закрыла ей глаза и осторожно взялась за ребёнка. Но она не смогла его забрать. Рука мёртвой девушки крепко сжимала мальчика. С огромным трудом монахине удалось освободить мальчика от этих цепких объятий. Мальчик настолько крепко спал, что даже не пошевелился, пока она его укладывала на свою постель. Затем сестра Мария сняла мешок и осмотрела всё содержимое. Там лежали четыре увесистых кошелька набитые монетами и три свитка. Два из них были запечатаны. Третий просто скручен. На свитке было написано несколько слов. «Нефизе от графа Д,Арманьяк». Прочитав надпись и увидев на печатях свитков всем известную букву «А», – символ дома Д,Арманьяков, – она больше не сомневалась в том, как ей следует поступить. Она взяла крест со стола и повесила его на свою шею. Затем преклонила колени и коротко помолилась. После этого она положила в мешок Библию и закинула его за плечо. И уже в конце она укутала мальчика и, взяв его на руки, направилась к двери. На пороге она остановилась и прошептала, обращаясь к мёртвой девушке:

– Наши сёстры позаботятся о твоей душе. Я же клянусь: придёт день и он узнает, что ты для него совершила!

Глава 3

Тулон

Двумя днями спустя сумрачным утром в порту Тулона появилась монахиня. Рядом с ней шёл маленький мальчик. Она его держала за руку. Мальчик был одет в короткие штанишки, маленькие остроносые башмачки и тёплую рубашку, поверх которой был накинут плащ. Мальчик всё время с любопытством озирался по сторонам и задавал монахине разные вопросы, на которые она отвечала с завидным терпением. В порту царила обычная суматоха. Груды провизии, бочек и всяческих товаров постоянно встречались на пути, равно как грузчики и матросы, сновавшие между этих скоплений. Монахиня и мальчик шли вдоль кромки причала и, задрвав голову, с уважением смотрели на высоченные борта кораблей, которые мерно покачивал морской бриз. То и дело слышались глухие всплески, когда волны ударялись о борт. Один из кораблей, двухмачтовое торговое судно, привлек внимание монахини. Она остановилась в непосредственной близости от здорового бородача. Бородач выкрикивал угрозы в адрес матросов, которые грузили на судно бочки. Нередко угрозы приправлялись бранными словами. И эта выразительная особенность моряка вызывала неприязнь на лице монахини. Она бросила осторожный взгляд в сторону мальчика. Но тот был занят созерцанием якоря. Выждав подходящий момент, когда бородач молчал, хмуро отслеживая очередные суетливые движения своих подчинённых, монахиня обратилась к нему с вопросом:

– Брат мой, куда идёт этот корабль?

Бородач повернул лицо в сторону монахини и, криво улыбнувшись, грубым голосом ответил:

– В Константинополь! Шевелитесь, лентяи, – прикрикнул он, обращаясь к матросам. Те забегали быстрее, а монахиня тем временем задала ещё один вопрос:

– Константинополь? Чтят ли там господу нашего Иисуса Христа!

– Чтят сестра, – ответил бородач и, сняв шляпу, с набожным видом перекрестился.

– Я поеду с вами, брат мой!

Бородач напялил шляпу и тут же скептически пробасил:

– Прости сестра, но мы не можем взять без платы. Такое путешествие вам не по карману. Так что... – бородач осёкся, с удивлением и жадностью глядя на монеты, поблёскивающие в ладони монахини.

– Мне с...мальчиком отдельная келья...простите, я хотела сказать...комната. Конечно же, комната. Пусть маленькая. Я заплачу.

– Каюта, – поправил её бородач с явным удовлетворением. По всей видимости, он уже предвкушал удовольствие от предстоящей сделки.

– Мне нужна комната, а не то, что вы сказали, – весьма строго потребовала от бородача сестра Мария. Тот в ответ незлобиво махнул рукой.

– Называйте, как хотите сестра, лишь бы платили. А это...ваш сын? – с нескрываемым любопытством спросил он, бросая взгляд в сторону мальчика. Его вопрос прозвучал весьма двусмысленно. Вернее, в нём прозвучал откровенный намёк на несоответствие её одеяния и мальчика. Сестра Мария прекрасно поняла смысл этого вопроса.

– Любой ребёнок – дитя господи! – холодно ответила она.

– Хорошо, хорошо, – поспешно ответил бородач и, услужливо поклонившись, показал рукой на дощатый настил, ведущий на судно. – Если вы не возражаете, сестра. Очень скоро погрузка закончится, и мы сразу отплываем.

Сестра Мария, сжав руку мальчика, повела его рядом с собой, вслед за бородачом. Тому пришлось несколько раз останавливаться и придерживать её за локоть, пока они взбирались на палубу. Мальчик в отличие от неё чувствовал себя довольно свободно. Он с радостным смехом побежал наверх. Едва не потеряв равновесие в очередной раз, она выпустила его руку. Оказавшись на борту, мальчик мгновенно обежал всё судно, с откровенным любопытством оглядывая всё вокруг себя. Для него всё увиденное было внове. Однако его радости не суждено было продлиться долго. Бородач поймал мальчика за руку и отвёл к сестре Марии. А затем он проводил их в отдельную каюту, где кроме деревянной кровати и маленького стола, что были наглухо прикреплены к полу, ничего не имелось. Здесь он оставил их и вышел, предварительно сообщив о времени обеда. Сестра Мария помогла снять плащ с мальчика, затем усадила его на кровати и села рядом. Пока он болтал ногами взад вперёд, она вытащила из мешка Библию и незапечатанное письмо с надписью «Нефизе от графа Д,Арманьяк». Сестра Мария положила Библию на свои колени и уже собиралась раскрыть её, когда услышала голос мальчика:

– А где Нефиза?

Сестра Мария с нежностью посмотрела на мальчика. Ярко голубые глаза излучали вопрос. Она погладила его по голове рукой и произнесла так мягко, как только могла:

– Её забрал к себе наш господь!

– Почему? – задал новый вопрос мальчик.

– Он не спрашивает и не отвечает. Он лишь говорит, а мы внемлем. Он пожелал её принять в своё лоно. Там она будет счастлива.

– Я скучаю без Нефизы, – тихим голосом признался мальчик.

– Я знаю! – прошептала сестра Мария. Увидев, что мальчик погрузился в размышления, она сняла с него башмаки и уложила на кровать, укрыв его же плащом. – Нефиза очень хорошая. Я постараюсь быть похожей на неё.

– Ты тоже хорошая, – прошептал мальчик. Он свернулся калачиком и закрыл глаза. В груди сестры Марии одна за другой стали подниматься волны нежности. Она очень долго смотрела на мальчика, затем отложила Библию в сторону и взяла в руки письмо. Первые же строки целиком захватили её.

«Дорогая, милая моя Нефиза, – писал граф Д,Арманьяк, – если ты читаешь это письмо, значит я самый несчастный из людей. И не потому, что уже мёртв, но по причине того, что мой сын Жан остался один перед лицом могущественных врагов. У меня осталась лишь одна надежда, а именно, что этот поступок лишь плод моего большого воображения, ибо я не вижу никакого спасения для моего сына, в случае если мои смутные опасения оправдаются. Ну, а что же остаётся ещё? У меня были верные друзья. Я вырос среди Д,Арманьяков, но всё же лишь чудом сумел уцелеть. Лишь чудом смог избежать смерти. А он – лишь невинный ребёнок, который ничего не знает и ничего не понимает. У него не будет ни друзей, ни иного защитника за исключением тебя. Враги же настолько могущественны, что способны сокрушить королей. Многие года я провёл вдали от родины, мечтая о справедливой мести. Я мечтал уничтожить всех наших врагов. Я мечтал избавить следующего наследника Д,Арманьяков от того кровавого наследия, что досталось мне. И, кажется, моя мечта осуществилась. Сегодня мы с герцогом Бургундским заключим, наконец, долгожданный мир и покончим с кровавой войной. Здесь ты можешь спросить меня: а почему же я всё же пишу тебе это письмо? Отвечу на этот вопрос со всей откровенностью. Виной всему твоя мать. Не удивляйся этим словам. Они с точностью обозначают истину. Сегодня ночью, едва я заснул, мне приснилась Мемфиза. Мне приснился мой сын. Его хотели убить люди, у которых не было лица. Топор был готов опуститься на него, когда Мемфиза спасла его. Она унесла его, оставив меня одного, в лесу. Когда я проснулся, у меня появилось чувство неотвратимой беды. Позже Капелюш принёс мне перо и чернила. Я сел и написал это письмо. И ещё два, которые запечатал личной печатью. Одно из

них свидетельствует о том, что Жан является моим сыном. Второе же должен прочитать только мой сын и никто иной. Оно предназначено только для него. В нём я подробно описываю свою жизнь и тех людей, кого он может и обязан считать собственными врагами. Если мои опасения сбудутся, он должен прочитать эти письма не раньше, чем достигнет возраста в двадцать два года. Теперь о главном, Нефиза. Передавая тебе золото и Жана, Капелюш должен отвести тебя на постоянный двор, где ты и будешь дожидаться вестей. Я не желаю оскорбить герцога Бургундского своими подозрениями, но если они всё же имеют место, ты должна убедиться в том. Если меня убьют, ты не должна возвращаться обратно в замок. Мои убийцы не позволят жить моему сыну. Увези его и спрячься. Ни единой душе не говори, куда именно ты поедешь. Ты поняла? Никому. У меня есть основание предполагать, что кое-кто из ордена «Лионских бедняков» всё-таки выжил. Тело Гилберта де Лануа так и не было найдено. А если так, то мой сын находится в страшной опасности. Этот человек не успокоится до тех пор, пока не убьёт его. Надеюсь, Нефиза, ты правильно поймёшь мои слова и сделаешь в точности, как я велю. Только так, ты сможешь спасти жизнь моего сына. И я всегда буду благодарен тебе за эту милость. Равно, как до сего дня чувствую глубокую признательность по отношению к твоей мамушке и скорблю о её смерти. Теперь последнее, Нефиза. Опять же, в случае если я не смогу защитить своего сына, ты должна воспитать его достойным главы клана Д,Арманьяков. Не жалея его, не щади, ибо этим окажешь дурную услугу всем Д,Арманьякам. Он должен вырасти сильным. Очень сильным. Иначе он не сможет справиться со своими врагами. Как отец я не желаю ему той участи, что поневоле досталась мне. Но как граф Д,Арманьяк, я должен сказать эти слова. Каждый из нас должен нести свой крест. И Жана это будет касаться в гораздо большей мере, чем может быть меня самого. Мы живём во имя своего имени, своей чести, своего клана и своей страны. Иначе нас бы не называли Д,Арманьяками. Вот и всё, что я хотел сказать тебе. Я заканчиваю писать. Потом я впервые за многие годы от всего сердца помолюсь господу за моего сына. В своё время он оставил меня, лишил родителей. Надеюсь, он оградит моего сына от такой же участи. А если всё же это случится, ...надеюсь, он сможет защитить его...»

В конце письма стояла размашистая подпись. Сестра Мария медленно сложила письмо и бросила глубоко нежный взгляд на спящего мальчика.

– Так тебя зовут Жан? – прошептала она, вновь опуская руку на голову мальчика. – Тебе досталась тяжёлая участь, но господь не оставит тебя. Он оберегает тебя. Я же буду рядом. Пусть божья милость и воля твоего отца ведут тебя... мой мальчик!

Снаружи раздался топот ног. Зазвучал зычный голос:

– Поднять якорь! Поднять паруса!

Спустя четверть часа французское торговое судно вышло в открытое море и взяло курс на Константинополь. Путь судна лежал через Дарданеллы. Сестра Мария опустилась на колени и, с трудом удерживая равновесие от постоянной качки, стала молиться творцу, прося его избавить от опасностей морского пути. Совершив молитву, она устроилась рядом с Жаном и очень скоро уснула.

Спустя два часа после того, как корабль отплыл, на пристани появились четыре человека в чёрной одежде. Они разошлись в разные стороны, но все занимались одним и тем же, задавали вопросы. Звучали эти вопросы всегда одинаково.

– Не видел ли кто-нибудь... монахиню с мальчиком?

Глава 4

Графиня Д,Арманьяк

Несколькими неделями спустя, в церквушке Сент Андре, расположенной близ замка Фацензак, появилась молодая женщина в чёрном платье. Это была Луиза, графиня Д,Арманьяк. Она была одна. В церкви находились несколько десятков человек. В основном женщин. Все они усердно молились. Луиза лишь мельком оглядела их. Её взгляд был устремлён в сторону исповедальни, где появился местный священник, отец Бернар. Священник ободряюще улыбнулся Луизе, которая всё ещё стояла у самой двери. Заметив эту улыбку, она опустила голову и быстро направилась в сторону исповедальни. Священник ещё раз улыбнулся ей, когда она входила внутрь. После этого он занял положенное место.

Луиза даже не оглянулась, когда в окошке справа от неё показалось лицо священника. Она ломала руки и смотрела только перед собой, время от времени вздрагивая. И когда это происходило, на лице появлялась лёгкая бледность. Из груди вырвался тяжёлый вздох.

– Что привело вас, миледи? – раздался рядом с ней мягкий голос священника. – Поведайте мне о своих сомнениях, надеждах и иных мыслях. Откройте свою душу, ибо лишь тогда господь сможет понять и простить вас.

– Я грешна, святой отец, – едва слышно отвечала Луиза всё так же глядя перед собой, – я не нахожу покоя.

– Что же вас мучает?

– Ревность, любовь и...ненависть!

– Эти чувства присущи всем нам, ибо господь наградил нас ими. Не всегда они приносят нам радость. В чём же ваша печаль, миледи?

– Я всё ещё люблю своего покойного супруга. И память о нём не даёт мне покоя. Я вспоминаю каждый миг проведённый рядом с ним и понимаю, что никогда больше не испытаю этого счастья. Но ещё больше меня терзает ревность к усопшей девушке, ибо она покоится счастливой. Я живу, когда она умерла, оплакивая моего супруга, – голос Луизы прервался, но лишь на мгновение. Издав глухой стон, она с мукой продолжила: – Но сильнее всего во мне живёт чувство ненависти. Это великий грех, ибо я ненавижу собственного брата и мечтаю о его смерти.

– Брата? Почему же ты ненавидишь его? – раздался осторожный голос священника.

– Он убил моего супруга и...моего сына!

– О смерти графа Д,Арманьяк я слышал. Но о твоём сыне...нет. Молва утверждает, будто он сумел спастись.

– Нет, святой отец, нет, – простонала Луиза, – будь жив мой Жан, я бы наверняка узнала это за прошедшие три года. Его убили. Убили! Я знаю.

Возникло молчание, после которого раздался вкрадчивый голос:

– И у тебя нет никаких сомнений в его смерти?

– Нет. Я жива лишь потому, что у меня есть маленькая дочь – Анна. Она – вся моя радость в жизни. Ей я обязана тем, что не впала в отчаяние. Она дитя любви. Лишь одну ночь мы любили друг друга с супругом. И эта ночь как луч солнца освещает темноту вокруг меня. Я стараюсь не показывать моей печали, но уже сейчас она начинает понимать меня. И я страшусь того, что моя печаль сделает её жизнь несчастной.

– Так постарайтесь обо всём забыть и посвятите все свои помыслы господу и дочери!

– Если б я только могла, – горестно прошептала Луиза, – если б я только могла забыть то мрачное утро, когда потеряла супруга и сына. Если б я только смогла забыть, что человек, которого я любила всей душой...погиб,...считая меня виновной в своей смерти. Как, святой отец? Как мне сбросить с себя эту невыносимую ношу? Страдания и боль стали моим постоянными спутниками. Я и дня не могу прожить без них. Успокоение приходит лишь ночью, когда я засыпаю. А утром,...утром они снова возвращаются и начинают меня терзать ещё сильнее. Я больше не в силах выносить эти муки.

– Не знаю, чем тебе помочь...молись нашему господу. Лишь он один способен избавить вас от страданий.

Возникла короткая пауза, после которой раздался голос, полный ненависти и решимости.

– Я хочу убить собственного брата. Я должна его убить. Я не успокоюсь до той поры, пока он не понесёт справедливого наказания. Я убью его, пусть даже ценой собственной жизни.

– Грех говорить такие слова, – нравоучительно заметил священник и продолжал: – Нельзя убить свою кровь. Это величайший грех. Господь не простит тебя.

– Господь и сейчас меня не прощает, – прозвучал непримиримый голос, – я убью его, а потом...мне безразлично,... что произойдёт потом.

– А твоя дочь?

– Моя дочь? – Луиза резко заволновалась, услышав этот вопрос, и впервые устремила взгляд на квадратное окошко, за которым раздавался голос священника.

– Да. Твоя дочь. Ты подумала, что станет с ней, когда ты совершишь этот грех? Она останется одна. У неё нет отца. Не станет и матери. Как она будет жить? И сможет ли жить?

– Вы правы, святой отец, – раздался обречённый голос, – мне ничего не остается, как терпеть и...ждать. Но когда она перестанет нуждаться во мне,...я настигну и убью брата. Клянусь вам перед лицом господина. Я это сделаю...

– Миледи, – начал, было, священник, но его уже никто не слышал. Звук торопливых шагов свидетельствовал о том, что графиня покинула исповедальню. Осознав это, священник вышел вслед за ней. Он не стал оставаться возле исповедальни, а прошёл к одной из женщин, которая, сложив ладони, усердно молилась. Он затеял с ней негромкий разговор. Затем оставил её и отправился в комнату, которая служила ему местом отдохновения. Когда он вошёл туда, его уже ждали. Высокий человек, закутанный в чёрный плащ, не издал ни единого слова. Он лишь бросил на священника вопросительный взгляд.

– Она ничего не знает о сыне, – воровато оглядываясь по сторонам, прошептал священник, – это точно. Она оплакивает его, считая мёртвым.

Услышав эти слова, незнакомец кивнул священнику, а в следующее мгновение покинул комнату. Священник проводил его почтительным взглядом. Покинув священника, незнакомец взобрался на лошадь, что была привязана к изгороди рядом с церковью, и поскакал в сторону дороги ведущей на Париж. Ровно семь дней спустя глава ордена Гилберт де Лануа вновь выслушал того самого человека со шрамом.

– Ей удалось уйти, отец мой. Мы её ранили, но она всё равно сумела сбежать...с мальчиком. Мы отправились по её следу, и нашли цыганку в монастыре. Она была мертва. Мальчика рядом с ней не оказалось. Пропала и сестра Мария. Та самая монахиня, в чьей келье нашли цыганку. Мы расспросили о ней. Она происходит из дворянского рода, и приняла обет всего несколько месяцев назад. По этой причине никто толком и не смог объяснить, что она за человек. Они не знали так же, куда она могла уйти. Подозревая, что она забрала мальчика с собой, мы направили людей на её поиски. В порту Тулона мы выяснили одно интересное обстоятельство. Там видели, как некая монахиня садилась на корабль, следовавший в Константинополь. С ней был маленький мальчик. Мы почти уверены в том, что это та самая монахиня, которая забрала нашего врага у цыганки.

– Отправляйтесь в Константинополь, – яростно прошипел Лануа, – переверните весь город, но найдите проклятого Д,Арманьяка! И убейте его, наконец. Убейте...

И уже, много позже, оставшись в полном одиночестве, Лануа с роковой обреченностью прошептал:

– Каждый раз отпрыску Д,Арманьяков удаётся непостижимым образом ускользнуть от смерти. Предсказание с роковой точностью преследует наш орден. Мы прокляты, ... прокляты. И лишь его смерть освободит нас от этого проклятия....

Глава 5

Буря

Ещё не успев открыть глаза, сестра Мария почувствовала головокружение и тошноту. Эти неприятные ощущения появились у неё сразу после отплытия и оставались все эти дни. Она очень тяжело переносила морское путешествие. Возможно, по причине того, что никогда прежде не плавала по морю на корабле. Однако эти чувства были не единственными. К ним примешивался ещё и...безотчётный страх. Вся каюта ходуном ходила. Снаружи доносились непонятные голоса и странный свист. Ко всему прочему добавлялся ещё и этот ужасный стук. Раз за разом он назойливо повторялся, словно вторгаясь в голову и выплясывая в ней неприятную мелодию. Сестра Мария зажала уши и уже после этого открыла глаза. Первое что бросилось в глаза, были осколки посуды. Они валялись на полу вместе с остатками еды рядом с её собственными сандалиями. Сестра Мария приняла сидячее положение и оглянулась по сторонам. Чего-то не хватало в каюте. И она не сразу поняла, чего именно не хватало. Но вскоре, до неё дошло, что в каюте нет...Жана. Неприятный звук издавала дверь каюты. Она была настежь отворена и то и дело билась о дверной косяк. Сестра Мария всплеснула руками и испуганно вскрикнула. До неё дошло, что мальчик вышел на палубу. Она поспешно обула сандалии и как была с непокрытой головой, бросилась к двери. Не рассчитав силу качки, она больно ударилась головой о стенку каюты, так и не добравшись до двери. На лбу появилась небольшая рана, из которой показались капли крови. Прижавшись спиной к стене каюты, она пощупала рану, а потом, держась уже двумя руками за выступающие предметы, вышла в узкий коридор. Перебирая руками по стене, она добралась до лестницы. Здесь ей пришлось буквально вцепиться в поручни. Качка сильно затрудняла подъём. Наконец, ей удалось добраться до двери, ведущей на палубу. Она взялась за ручку и нажала. Дверь резко распахнулась, и ей в грудь ударил такой силы порыв ветра, что она едва не опрокинулась назад. На палубе творился настоящий ужас. Ей в глаза бросились несколько человек. В том числе и бородач – капитан корабля. Он стоял под ливнем и, держась за канаты, до хрипоты что-то кричал, пытаясь перекрыть шум ветра. Сестра Мария видела испуганные лица напрочь вымокших людей. Её охватил ужас, когда она увидела, как один из матросов болтается на верхушке мачты. На мгновение показалось, что ему удастся зацепиться за канат и спуститься вниз, но...налетел мощный порыв ветра, а после него корабль накрыло огромной волной. Сестра Мария только и почувствовала во рту вкус солёной воды, а сразу после этого у неё перехватило дыхание. Волна ударила её о дверь, а потом втолкнула обратно на лестницу. Она покатилась вниз и, ударившись головой, потеряла сознание. Буря же тем временем разыгралась не на шутку. Ветер рвал спущенные паруса. Волны накрывали корабль одна за другой. Едва они перекатывались через корабль, раздавались тяжёлые вздохи и обречённые крики.

– Выбросить за борт все бочки. Крепить мачту! – без усталости орал бородач. Цепляясь за канаты, он переходил от одного матроса к другому и тумачами заставлял покидать убежища, в которых они пытались укрыться от бури. Но матросы испытывали страх от происходящего и выполняли приказы с непозволительной медлительностью. Несколько бочек с пресной водой полетели за борт. Двое попытались закрепить мачту, но никак не могли добраться до неё. Наконец верёвки были закреплены. Капитану едва удавалось справляться с командой. Но это продолжалось недолго. Матросы ещё кое-как подчинялись приказам, но когда в небе засверкали молнии и загрохотал гром, страх перешёл в настоящий ужас. А следом раздался страшный скрежет. Мачта треснула сразу в двух местах. На палубе раздались истошные крики. Матросы,

пытаясь спастись, гурьбой бросились в трюм. И никакие крики, никакие угрозы не могли их остановить. Стихия внушала большой страх, нежели грозный облик капитана. Проклиная всё на свете, он сам бросился к мачте, пытаясь спасти положение. Ему никак не удавалось закрепить один из канатов стягивающий мачту. Не обращая внимания на миллионы брызг и шквалы ветра, которые обрушивались на него постоянно, он пытался снова и снова. Его не останавливала даже страшная опасность. Ведь мачта могла в любое мгновение обрушиться. Вот ещё одна попытка... капитан почувствовал, что на сей раз начало получаться. Кто-то ему помогал сзади. Он обернулся и буквально застыл от изумления. Матросы...они вернулись. Вернулись и все как один трудились, не обращая внимания на бурю. «Что за чудеса? – подумал капитан, с удивлением наблюдая за слаженной работой своего экипажа. И тут он уловил взгляды своих людей. Все они смотрели только в одно место. Капитан проследил за их взглядами и...вздрогнул. В непосредственной близости от правого борта...стоял мальчик. Он ни за что не держался. С головы стекали струйки воды. Вся одежда вымокла. Но больше всего капитана поразил его взгляд. Мальчик сурово смотрел в сторону матросов. Именно сурово. В его глазах даже намёка не было на страх. От него исходила такая сила, такая уверенность, что капитан даже забыл на мгновение об опасности. «Его же может смыть за борт»... – капитан собирался, было, броситься ему на помощь, но...не посмел. Взгляд мальчика не только остановил этот порыв, но и заставил его с новыми силами взяться за прерванную работу. Словно подчиняясь неведомой силе, он наравне со всеми стал сражаться против бури. Время от времени, вслед за остальными, он бросал незаметный взгляд в сторону мальчика. У него сердце замирало, когда волны накрывали мальчика, опрокидывая на палубу. Но как только волна сходила, мальчик поднимался и снова устремлял на них суровый взгляд. За эти короткие мгновения, он стал именно тем символом, той защитой, в которой нуждались все, не исключая и самого капитана. Его спокойствие понемногу передавалось им. Они сопротивлялись, раз за разом выставляя против стихии слаженность действий и неумное желание жить. И словно чувствуя это желание, стихия стала понемногу отступать. Порывы ветра стали всё меньше и меньше беспокоить людей на палубе. А вскоре и совсем прекратились. Море успокоилось, но ливень усилился. Но это уже был тот ливень, который встречали с улыбкой. И хотя от бури спастись удалось, дела обстояли хуже некуда. Руль плохо подчинялся приказам. Поднять могли лишь часть парусов. И даже в этом случае рисковали обрушить мачту. Всё это капитан осознал после того, как дал обессиленным матросам несколько часов отдыха. Сам же он направился к мальчику. Тот всё ещё стоял на прежнем месте. Капитан с неосознанным уважением протянул ему руку. В это мгновение на палубе показалась сестра Мария. Её лицо было в ссадинах и кровоподтёках. Она как безумная оглядывалась по сторонам. Увидев Жана, она издала радостный крик и со всех ног устремилась к нему. Она тут же схватила его в свои объятия и несколько раз крепко поцеловала. И уж потом стала благодарить капитана за спасение ребёнка. Капитан выслушал её с улыбкой, которая никак не вязалась с мокрым лицом, а потом мягко ответил:

– Это я должен благодарить твоего сына, сестра. Сегодня, он нас всех спас! Стыдно признаться, но он сегодня нас всех посрамил.

Капитан ушёл, оставив сестру Марию и мальчика. Она несколько удивлённо посмотрела ему вслед, а потом, сжимая на груди Жана, отправилась обратно в каюту. Там она раздела его и насухо вытерла. Жан не возражал. Он вообще мало разговаривал, в чём она уже успела убедиться. Затем она укутала его в тёплое одеяло и уложила на постель. Поглаживая его голову, сестра Мария негромко спросила у Жана:

– Почему ты ушёл?

– Хотелось посмотреть...на злое море! – последовал ответ.

– Ты испугался?

Жан отрицательно покачал головой.

– Неужели совсем не испугался? – с улыбкой снова спросила Мария, не переставая поглаживать его по голове.

– Нет!

– А я вот очень испугалась! – призналась ему сестра Мария.

– Ты – женщина!

Сестра Мария не ожидала услышать такие слова от Жана. Она с некоторым удивлением посмотрела на него. И с тем же удивлением спросила:

– Тебе никогда не бывает страшно?

Жан бросил на неё спокойный взгляд.

– Нефиза говорила, что я не должен бояться. Она говорила, что мой отец был очень храбрым. Он смотрит на меня с...неба и увидит, если я испугаюсь.

– Так ты поэтому ничего не боишься? – догадалась сестра Мария.

– Нет!

На сей раз, она даже не успела ответить. Дверь в каюту отворилась и на пороге показалась знакомая фигура капитана. Он был расстроен.

– Придётся изменить наши планы, – с хмурым видом сообщил он, – благо мы уже вошли в Дарданеллы, иначе пришлось бы совсем туго. Тут недалеко есть турецкий порт Чанаккале. Мы уже взяли курс на этот порт. У нас нет иного выхода. Так как нам придётся провести на стоянке несколько месяцев, часть грузов будут отправлены в Константинополь караваном по суше. Вы тоже можете отправиться вместе с караваном. Если пожелаете. У вас есть время подумать до прибытия в Чанаккале.

– Хорошо. Я всё поняла! – негромко ответила капитану сестра Мария. Тот кивнул и ушёл, затворив за собой дверь. После его ухода сестра Мария бросила нежный взгляд на Жана и прошептала.

– Господь ведёт наш путь. Подчинимся же его воле!

Глава 6

Караван

Потрёпанное ураганом судно с величайшим трудом добралось до Чаннакале. Его пришвартовали на западной оконечности пролива в непосредственной близости от маленькой верфи. Едва это произошло, как началась разгрузка. Судно следовало освободить от товаров, прежде чем приниматься за ремонт повреждённых снастей и мачты. К тому же ещё ранее было принято решение отправить весь груз сушей. Вместе с грузом в Константинополь должны были отправиться и сестра Мария с Жаном. Уже первые часы, проведённые ею в Чанаккале, убедили сестру Марию в правильности выбора. В этом городе, где царила иная вера и иные порядки, она не могла оставаться. Последние мгновения пребывания на корабле изумили её настолько, что она на время забыла о трудностях, возникших на их пути по причине поломки судна. А дело было вот в чём. В ту минуту, когда они покидали корабль, вся команда выстроилась возле трапа. Каждый из матросов низко кланялся, когда Жан проходил мимо них. Они оказывали мальчику почести, и сестра Мария невольно забеспокоилась, наблюдая за этой церемонией. В душу закралась мысль о том, что заветные письма могли быть прочитаны. В те мгновения она крепче прижала к себе заветный мешочек и заторопилась покинуть судно. Однако чуть позже капитан объяснил ей суть поведения команды: «Мальчик повёл себя очень храбро и этим заслужил уважение матросов. Они просто показали, как к нему относятся».

На вопросы сестры Марии: «а что же такого сделал Жан?», капитан ответил туманными фразами, чем окончательно запутал её. К чести этого человека, он не оставил их одних в порту. Он сразу нашёл для них место для ночлега в непосредственной близости от порта. Устроив их в новом жилище, капитан ушёл, пообещав вернуться за ними, как только караван будет готов отправиться в путь. Едва они остались одни, сестра Мария принялась с завидным упорством задавать те же вопросы, на кои не пожелал отвечать капитан... Жану. Тот с завидным постоянством произносил в ответ одно и то же слово: «Ничего». Понимая, что больше сказанного Жаном она не услышит, сестра Мария прекратила бесполезные попытки и решила заняться подготовкой припасов на то время, которое они пробудут в Чанаккале. Строго настрого предупредив Жана, чтобы он не покидал жилища, она отправилась на городской рынок. Всё здесь для неё оказалось в диковинку. Обилие товаров, равно как и разноцветье нарядов, бросались в глаза везде, где бы она ни оказалась. Её удручали женщины с закрытыми лицами так же, как и неприятные, а иногда и откровенно похотливые взгляды мужчин. Именно последнее обстоятельство заставило её со всей поспешностью приступить к делу. Пустив в дело язык жестов, сестра Мария довольно быстро приобрела всё необходимое и сразу же отправилась в обратный путь. К её облегчению, Жан сидел на том же месте, где она его оставила. Ей почему-то казалось, что он обязательно ослушается её. И тот факт, что этого не произошло, порадовал её. Первым делом она покормила Жана, а затем уложила спать. Лишь после этого она позволила себе немного пищи. Монастырская жизнь приучила её к воздержанию. Она не собиралась отказываться от обетов, кои добровольно возложила на свои плечи, несмотря на прискорбные обстоятельства, принудившие её покинуть стены святой обители. Именно мыслями о своём поступке она предавалась всё то время, пока Жан спал. Сестра Мария раз за разом спрашивала себя о том, правильно ли она поступила. Наряду с этой мыслью появилась и другая. Почему она повиновалась своему порыву и не поставила в известность о случившемся... мать-настоятельница? Ответы на эти вопросы были слишком очевидны. И, тем не менее, ... одному Господу ведомо, кем её считают в монастыре. Пусть... она будет повиноваться лишь голосу, призываю-

щему её оберегать мальчика. Сестра Мария бросила сочувственный взгляд в сторону спящего мальчика и прошептала:

– Мне ли сетовать на провидение? Этот невинный мальчик потерял всё, даже не успев осознать, чего именно лишился. Что же ему сказать? Кого винить? И какому злему року он обязан происходящим? – она бесшумно опустилась на край постели и коснулась левой рукой головы Жана. Её пальцы стали мягко перебирать кудри мальчика, а губы продолжали шептать. – Подумать только...отпрыск гордых Д,Арманьяков...и мне суждено о нём заботиться. Думала ли я о таком? Господь испытывает мою веру, обрекая на жизнь, полную тревог и сомнений. Мне должно повиноваться его воле.

Жан зашевелился и негромко застонал. Видимо ему снился неприятный сон. Сестра Мария прервала свой разговор и потянулась к мальчику. Следующий час она провела, рассматривая черты его лица. Она видела, как вздрагивают реснички,... видела, как лицо по непонятной причине начинает недовольно морщиться, как розовые щёки меняют свой цвет, становясь почти белыми. Всё это время сестра Мария хотела разбудить его, но так и не решилась это сделать. Она вздохнула с облегчением, когда Жан в очередной раз вздрогнул и открыл глаза. Сестра Мария увидела в них...ужас,...но очень скоро он исчез, и в глазах мальчика появилось обычное спокойствие.

– Ты видел сон? – негромко спросила сестра Мария, поглаживая его по голове.

– Да! – так же негромко ответил Жан.

– Тебе снился плохой сон?

– Да!

– И что ты видел? Помнишь?

– Кровь!

– Кровь? – сестра Мария вначале вздрогнула,... а затем отвела руку и с откровенным удивлением посмотрела на Жана. – Ты знаешь значение этого слова?

– На Нефизе была кровь!

– На Нефизе? Ты...не спал?

– Нет. Я всё видел.

– Жан, мальчик мой, – с нежностью прошептала сестра Мария, касаясь рукой его лица...

– Она у Бога. Ей хорошо, – тихо прошептал мальчик, закрывая глаза.

Сестра Мария не знала, что и думать об этом коротком разговоре. Но один и очень важный вывод для себя она сделала. Жан всё замечал, но не всегда показывал, что это видит. Она осознала, что и понятия не имеет о ребёнке, который стал целью её жизни. Очень скоро она восполнит этот пробел. Им надо лучше познакомиться. Лучше понять друг друга. И ей в первую очередь. Хотя она немного знала о детях, однако не сомневалась в том, что Жан отличается от всех остальных. Ему удавалось несколькими словами ставить её в безвыходное положение. А ведь она считала себя умной женщиной. Сестра Мария завздохала. А чуть позже улеглась прямо в одежде рядом с Жаном и, обняв его, крепко уснула.

Спустя несколько дней капитан сдержал данное им обещание. Он явился за ними и отвёл к проводнику еврею, которому и доверили сопровождать караван из Чанаккале в Константинополь. Благодаря заботам капитана им выделили верблюда массака. Так называли верблюдов, которые несли на своём горбе небольшой шатёр. Не лишняя предосторожность, учитывая жару и предстоящий многодневный переход. Перед прощанием, капитан отвёл сестру Марию в сторону и дал последнее напутствие.

– Будьте очень осторожны, – предостерег он, – мне удалось узнать, что между Византией и Османской Империей началась война. Все пути к Константинополю заняты войсками. Мы нашли искусного проводника, но всё же...постарайтесь избежать неприятностей в пути. И да хранит вас с мальчиком Бог!

Прощание растрогало сестру Марию. Провожая взглядом удаляющуюся фигуру капитана, она подумала о странностях жизни и людях. Ведь капитан не понравился ей с самого начала, а сейчас...она грустит, расставаясь с ним. На том пришлось прервать свои мысли. Всё пространство вокруг неё наполнилось криками и шумом. Один за другим погонщики ударами хлыста поднимали гружёных тюками верблюдов. Незнакомые слова звучали подобно ударам кнута:... коротко, громко и зло. Сестру Марию с мальчиком усадили в маленький шатёр и закрыли полог. Чуть позже раздался протяжный крик, призывающий всех отправляться в дорогу. Не успела сестра Мария удобно устроиться и подумать о том, насколько приятным может оказаться путешествие на верблюде, как...последовал резкий толчок. От неожиданности она едва не вывалилась сквозь полог. Следом за этим явлением наступила...качка. Весьма схожая с той, что довелось испытать во время путешествия на судне. И ощущения были те же...головокружение и тошнота. Путешествие могло оказаться не таким приятным, как показалось вначале.

Глава 7

«Назад – вперёд...назад – вперёд»

Сестра Мария покачивалась в полудремоте в такт размеренным движениям верблюда. Голова Жана покоилась у неё на коленях. Как ни странно, уже на пятый день пути она смогла заснуть во время «постоянной качки» как она называла движение каравана. Жан сразу свыкся с новым положением и не обращал ни малейшего внимания на происходящее. Он мало говорил, много ел и ещё больше спал. Сестра Мария невольно завидовала его умению принимать все трудности с одинаковым спокойствием. У неё временами создавалось чувство, что мальчик понимает бессмысленность каких-либо жалоб. Впрочем, он никогда не жаловался. Наоборот. Те редкие слова, которые она от него слышала, большей частью были направлены поддержать её. Видимо от Жана не укрылась неприязнь, с которой она отнеслась к путешествию. Этот день прошёл как все остальные – спокойно. Их никто не тревожил. Им помогали, когда караван останавливался на очередной отдых. Такое внимание сестра Мария приписывала заботливости капитана. «Воистину прекрасный человек», – думала она каждый раз, чувствуя на себе заботу проводников. Мысли – они помогали скоротать дорогу. Молитвы же вносили спокойствие в её душу. Тем временем проводники остановили караван. Предстояло устроиться на ночлег. Вокруг стало совсем темно, когда сестра Мария с явным наслаждением вытянулась рядом с Жаном. Лежать на мягкой постели в шатре после долгого дня непрекращающейся тряски... могло ли быть чувства приятнее? По привычке она обняла одной рукой Жана и заснула.

Шестое утро принесло неприятности всему каравану. Сестру Марию разбудил сильный шум. Ржание лошадей и предсмертные крики сливались в единое целое, привнося в душу тревогу. Ещё не понимая, что именно происходит, она испуганно оглянулась вокруг себя. Жана в шатре не оказалось. Сестра Мария поспешно вскочила с места и бросилась наружу. К величайшему своему облегчению она сразу увидела его. Жан стоял буквально в десятке шагов от палатки между двумя верблюдами. Но что мгновенно заставило её побледнеть, так это...кровавое сражение, которое развернулось в непосредственной близости от места, где располагался караван. У подножия холмов два отряда сошлись в смертельной схватке. Над одной стороной развевались византийские знамёна, над другой – знамёна Османской империи. И путешественники, и проводники сгрудились возле верблюдов, наблюдая за этой картиной. Они не знали, как им поступить. То ли бежать, но куда? И стоит ли? Да и смогут ли они скрыться на верблюдах от всадников? Все они с глубочайшей тревогой следили за сражением, пытаясь понять, чья же победа для них более безопасна. Сестра Мария немедленно бросилась к Жану. Едва достигнув его, она схватила Жана за руку, желая увести подальше от кровавого зрелища. Но в ответ услышала твёрдое «нет». Жан вырвал свою руку из её рук и с горящим взглядом продолжал следить за битвой. Сестра Мария на мгновение растерялась. В то время пока она искала способ увести Жана, рядом с ней раздался голос проводника еврея:

– Я хотел его увести отсюда, но мальчик не позволил!

– И что нам делать? – с беспокойством спросила у него сестра Мария.

– Что ещё остаётся? – проводник пожал плечами. – Ждать пока закончится битва. Только после этого мы сможем продолжить путь.

– А как скоро она закончится?

– Одному Богу известно!

– А кто сражается? – задала она очередной вопрос.

Проводник указал рукой в направлении византийских знамён и только потом ответил:

– Христиане. А с другой стороны мусульмане.

– Я помолюсь за христиан!

– Только помогут ли им твои молитвы? – с сомнением произнёс проводник. Его слова совпали с дикими криками, которые словно ураган пронесли над всей долиной и дошли до их слуха. Небольшой отряд странных всадников появился за спинами византийского отряда. Всадники были облачены в грубую одежду. На них не имелось никаких доспехов. Они были вооружены саблями и луками. Внезапная атака маленького отряда внесла раскол в ряды византийских всадников. Они дрогнули и начали отступать. Несмотря на трагичность положения, сестра Мария невольно залюбовалась действиями этих необычных воинов. Они двигались с необычайной быстротой и настолько искусно управляли своими лошадьми, что с лёгкостью уходили от смертельных ударов. Ещё несколько мгновений и византийские всадники начал падать с сёдел как скошенные.

– Мамлюки! – раздался рядом с сестрой Марией уважительный голос проводника.

– Кто? – переспросила она, не сводя взгляда со сражения, в котором с каждым мгновением всё отчётливее проявлялось превосходство знамён с полумесяцем.

– Мамлюки из Дикого отряда! Лучшие воины великого султана, – пояснил проводник. – Все они христиане. Дети, лишённые родителей, попадают в рабство. Самых сильных берут в мамлюки. Впоследствии из них выковывают самых сильных воинов.

– Это слишком... жестоко, – прошептала сестра Мария. При этом она бросила беспокойный взгляд в сторону Жана. Тот выдвинулся немного вперёд и с неослабным вниманием смотрел в сторону затухающего сражения. Вскоре оно закончилось полным поражением византийского отряда. Горстка оставшихся в живых рыцарей сложила оружие, уповая на милость победителя. К великому ужасу проводника, несколько всадников из числа тех, кого он назвал «мамлюками» направились в сторону каравана. Через минуту они уже были рядом с ними. Впереди на вороном коне возвышался мужчина могучего телосложения. Он отличался от других мамлюков более дорогой одеждой и дорогим вооружением. Рукоятка его сабли отливала золотым блеском. Он выхватил её и, размахивая ей в воздухе, громко закричал:

– Берите всё, что вам понравится. Клянусь Аллахом, все вы заслужили награду!

Сразу после этих слов, несколько мамлюков начали вскрывать кинжалами тюки, притороченные к верблюдам. Содержимое мешков рассыпалось на землю. Любой предмет, привлекавший их внимание, тут же исчезал в торбе, притороченной к седлу лошади. Никто из каравана не смел и слова сказать. Они только наблюдали за этими бесчинствами. Никто, за исключением сестры Марии. Не раздумывая над возможными последствиями, она подошла к всаднику, который дал команду к грабежу, и с гневным видом потребовала прекратить бесчинства. Тот с молчаливой насмешкой наблюдал за ней. Видимо так ничего и не поняв из её слов, он указал ей рукой в сторону, давая понять, чтобы она уходила. В ответ сестра Мария указала рукой на мамлюков, которые грабили караван. Следствием этого вызова стало мрачное лицо всадника. Он тронул коня. Приблизившись к ней, он вытащил ногу из стремян и ударил её в грудь сестры Марии. Охнув, она опрокинулась на спину. К ней тут же подскочили несколько человек из каравана. Всадник гневным голосом приказал увести её, пока он не потерял терпение. Эти слова прозвучали на фарси, который проводники понимали достаточно хорошо. Не успели отзвучать эти слова, как всю равнину огласил яростный рёв. Ни люди, которые поднимали сестру Марию, ни она сама, ничего не понимали. В следующее мгновение они с ужасом увидели как всадник схватил за волосы Жана и приподняв в воздух, посадил перед собой в седло. Его огромные руки обхватили хрупкую шею мальчика.

– Нет! – вырвалось у сестры Марии. Невзирая на боль и опасности она ринулась на спасение Жана, но... путь ей преградили мамлюки. – Пощадите мальчика! Он не виноват. Он ещё ничего не понимает! – что было силы, закричала она. Услышав её крик, всадник державший свои руки на шее Жана убрал их и, повернув лицо в сторону проводника еврея, спросил, о чём она говорит. Тот сразу же перевёл её слова. В ответ всадник весьма выразительным жестом указал на свою левую ногу. Чуть повыше щиколотки торчал кинжал. По острию бежала струйка

крови. Увидев кинжал, сестра Мария похолодела от ужаса. Она с трудом услышала голос проводника:

– Господин спрашивает...это твой сын?

Сестра Мария едва нашла в себе силы кивнуть. Увидев её кивок, предводитель мамлюков устремил взгляд на Жана. Тот сидел перед ним и ничем не показывал своего страха. Он с таким спокойствием встретил взгляд, что предводитель не мог не удивиться.

– Ты не боишься меня? – спросил он у мальчика с откровенным недоумением и некоторой растерянностью. Для пушей наглядности он занёс над ним саблю и устремил на Жана грозный взгляд. Ответом стал дерзкий взгляд, в котором откровенно чувствовался вызов. Предводитель вложил саблю в ножны, а затем направил коня к сестре Марии. Мамлюки расступились, а проводник сразу же стал переводить его слова.

– Я принимаю его поступок как заслуженный, ибо мальчик заступился за собственную мать. Скажу больше. Никогда прежде мне не доводилось видеть столь храброго мальчика. Он ничего не боится. Из него получится прекрасный воин. Я хочу забрать его к себе, в дикий отряд. Обещаю воспитывать его как собственного сына. Тебе же будет позволено видеться с ним несколько раз в год. Что скажешь, мать достойного сына?

Сестра Мария думала недолго. Господь направлял путь этого ребёнка, так как она могла противиться его воле. Да отец мальчика...он желал такое будущее для своего сына. Жану придётся очень нелегко, но такова его судьба. Скрепив сердце, сестра Мария дала своё согласие. Прощание с Жаном длилось недолго. Лишь сейчас она ощутила, насколько привыкла к мальчику за те немногие дни, что они провели вместе. Она несколько раз крепко обняла Жана и, благословив на новый путь, позволила увести от себя. Ещё долго она стояла и смотрела вслед вздымающейся вдали пыли. Спустя несколько дней, она присоединилась к цыганам, чей табор находился в непосредственной близости от того города, где отныне должна была протекать жизнь...её сына, каким она отныне считала Жана.

Глава 8

Весна 1443 года
Король Франции

– Святой Педро! Сколько ещё мне придётся искать этого злоязычного насмешника?

Король Франции в негодовании несколько раз топнул ногой. Отчего полы мантии на мгновение распахнулись. Даже среди всех этих кастрюль, тарелок и прочей кухонной утвари, облик короля мог привести в ужас любого. Ибо гневный взгляд в сочетании с устрашающими жестами, отнюдь не был присущ его величеству. Многочисленные повара, склонившись в низких поклонах, не осмеливались поднять взор. Затаив дыхание, они ждали мгновения, когда король покинет их или же, по крайней мере, его гнев немного поутихнет. Что и случилось. Бросив ещё один короткий взгляд в сторону огромного котла, над которым вздымались клубы пара, король размашистыми шагами двинулся вперёд. Вслед за ним поспешил Кузино. Это был слегка сгорбленный мужчина средних лет в чёрном сюртуке. Отличительной чертой этого человека или скорее достоинством... являлась его молчаливость. Это качество становилось более ценным, учитывая то обстоятельство, что почтенный мэтр Кузино служил секретарём Карла седьмого. Однако, наблюдая за нарастающим раздражением короля, Кузино решил на сей раз изменить своему правилу... никогда не заговаривать с королём первым.

– Ваше величество, – осторожно произнёс Кузино, следуя по пятам за королём, – в последнее время его часто видели в зверинце дворца. А если быть более точным... возле клетки с большим попугаем.

– С попугаем? – король внезапно остановился. На его лице отразилось недоумение, когда он повернулся в сторону секретаря. – И чем его привлекла птица?

Кузино в ответ лишь скромно потупил глаза, давая понять, что ему неизвестен ответ на этот вопрос. Понимая, что ему не услышать ответа на свой вопрос, король немедленно отправился в другую часть Сен-Поль, где в одном из дворцовых двориков и разместили зверинец. Завидев короля, все испуганно шарахались в сторону, забывая иной раз даже поклониться. В этой части дворца никто и никогда его не видел. Впрочем, король не обращал внимания на эти мелочи. Его заботило совершенно другое. Сопровождаемый Кузино, король вступил во дворик, уставленный клетками животных. Почти сразу же он увидел мужчину лет пятидесяти с серебристыми висками и обнажённой головой. Тот стоял напротив клетки с леопардом у невысокого дерева с раскидистыми ветвями. На одной из веток была подвешена клетка, в которой находился зеленовато-красный попугай довольно внушительного размера с длинным хвостом. Мужчина, просунув руку в клетку, гладил его по клюву и шептал мягкие слова. Бросив настороженный взгляд в сторону леопарда, вольготно разлёгшегося в непосредственной близости от клетки с попугаем, король гневно спросил:

– Что ты делаешь в зверинце?

Мужчина, к которому был обращён вопрос, и ухом не повёл. Он лишь слегка повернулся и, бросив непонятный взгляд на короля, глубокомысленно изрёк:

– Карл, ты читаешь мои мысли. Я сотни раз задавал себе тот же вопрос и... не находил ответа. По этой причине я оставил тебя и пришёл в это спокойное место.

– Танги, я шкуру с тебя спущу и отдам этому леопарду. Как ты смеешь сравнивать мой двор с этими зверьми?

– Ты снова прав, Карл, – Танги дю Шастель, а это был именно он... тяжело вздыхая, продолжил, – и в знак признания моей вины, я непременно попрошу прощения у этих милых, – Танги обвёл рукой вокруг себя и закончил, – созданий. Они не заслужили подобного сравнения.

Король собирался обрушиться на Таньги с гневной тирадой, но в это мгновение раздался крикливый голос попугая.

– Карл – полный болван!

– Что такое? – король в мгновение ока побагровел и с отчётливой угрозой посмотрел на Таньги. Тот развёл руками в обе стороны.

– Я же не могу запретить птице... Карл. Она говорит все, что ей вздумается. Как мне кажется, ты это понимаешь не хуже меня. Да... едва не забыл. Как поживает твоя матушка? Надеюсь, она всё ещё в добром здравии?

– Оставь в покое мою матушку, – гневно вскричал король, наступая на Таньги, – на сей раз тебе не удастся меня одурачить. Отвечай, – король бросил на Таньги угрожающий взгляд, – это ты научил птицу этим гнусным словам?

– Побойся господа, Карл, – Таньги изобразил на лице искренне недоумение, – как ты мог помыслить подобное? Я никогда не осмелюсь оскорбить короля Франции.

– Таньги, только ты один во всей Франции мог отважиться на подобную дерзость. Только ты один можешь думать о том, что сказала эта птица.

– А вот тут ты ошибаешься, Карл. Так считают немало людей. Другое дело, что они никогда не осмелятся сказать тебе об этом в лицо.

– А ты осмелишься?

– Матерь Божья... я бы никогда не осмелился. Другое дело... эта птица. Знаешь, Карл, стоит немного поразмыслить и начинаешь понимать, что она не так уж далека от истины.

– Таньги, поясни свои слова, пока я не потерял последние остатки своего терпения!

Таньги неожиданно стал серьёзным. При этом он бросил весьма выразительный взгляд в сторону Кузино. Увидев этот взгляд, тот незаметно удалился, оставив их наедине. Король лишь наблюдал за всеми этими действиями. Однако следующие слова Таньги заставили его насторожиться.

– Ты совершил ошибку, Карл. Огромную ошибку.

– О чём ты? – король с недоумением уставился на Таньги. Тот осуждающе покачал головой и таким же тоном продолжил:

– Герцог Бургундский!

– Ты имеешь в виду наш союз с герцогом Бургундским? – догадался король и тут же подчёркнуто резко ответил: – Я правильно поступил, заключив с ним союз. Без его поддержки мне никогда не удастся вернуть Франции Нормандию, да и остальные захваченные англичанами территории. Ты должен понимать, Таньги, какими мыслями я руководствовался. Именно забота о Франции заставила меня пойти на этот шаг.

– Я говорю о другом, Карл! – возразил Таньги. – Ты не должен был приглашать его во дворец. Вместо того чтобы держать подальше от себя, ты пригласил его и даже выделил одиннадцать покоев. Для него самого и свиты герцога Бургундского.

– Не понимаю, что тебя удивляет Таньги? Я обязан был оказать ему уважение. Герцог Бургундский не уступает в ранге принцам крови.

– Карл, ты назвал самую главную причину, по которой не стоило этого делать! – выразительно глядя на короля, ещё более выразительно произнёс Таньги.

– Держи друзей близко к себе, а врагов ещё ближе, – назидательно произнёс король.

Таньги в ответ усмехнулся.

– Человек, которому принадлежат эти слова, не был знаком с герцогом Бургундским. Или ты уже забыл, Карл, как он поступил с графом Д'Арманьяк? Ты забыл, что герцог был приглашён в дом графа? Может, ты забыл, чем этот визит закончился? Были умерщвлены все обитатели замка, включая и самого графа. И не забывай, что именно ты назначил встречу, на которой был убит его отец. Знаешь, Карл, только полный болван после всего случившегося может верить в благие намерения герцога Бургундского.

С каждым произнесённым словом Таньги король бледнел всё больше.

– Так ты полагаешь, что я...нахожусь в опасности? – тихо спросил король. При этом он бросил вопросительный взгляд на Таньги. Тот не раздумывая, кивнул в ответ.

– Я бы добавил ещё одно слово. В большой опасности. Ты не только пригрел на груди змею, но ещё и позволил ползать ей по всему твоему дому. И она укусит, Карл. Будь уверен. У герцога Бургундского слишком много причин желать твоей смерти. Да и не у него одного.

Король, с лица которого не сходила бледность, задумался над словами Таньги. Раздумья вылились в мучительные вопросы.

– Что же мне делать Таньги? Как поступить? Отказать герцогу? Найти причину и отказать?

Услышав этот вопрос, Таньги отрицательно качая головой, заговорил глубоко озабоченным голосом:

– Что сделано, того уже не исправить. Отказав герцогу, мы тем самым дадим повод для сомнений. А этого делать нельзя. Мы поступим иначе, Карл. Для начала, мы должны постараться исключить любую попытку отравления. Открыто на тебя они не посмеют нападать, следовательно, у них остаётся только яд. Карл, я сам подберу надёжных людей. Только они будут подавать тебе вино и еду. Очень важно, чтобы об этих мерах никто не узнал. Пусть думают, что всё так, как и выглядит. Кстати, будет неплохо, если ты покажешь своё расположение герцогу Бургундскому. А я тем временем постараюсь выяснить, что именно они задумали. А больше всего меня интересует причина, по которой герцог Бургундский согласился принять твоё предложение. Он достаточно умён для того чтобы понять, чем именно чреваты последствия такого поступка. Он, несомненно, подвергает свою жизнь риску. В особенности, учитывая ненависть, которую питают к нему горожане. Видимо, существует нечто. И это нечто гораздо весомее возможной опасности переезда в Париж. И ещё... – Таньги поднял руку, делая предостерегающий жест королю, – воздержись от охоты. Не покидай дворец без особой на то причины. А лучше, если ты будешь советоваться со мной, прежде чем уехать.

– И как долго будет продолжаться такая жизнь?

– До той поры, пока не поймём, в чём именно заключена опасность, – ответил Таньги. И, Карл, – попросил Таньги, – прошу тебя, не пренебрегай ничем из того, что я тебе сказал, ибо это может обернуться вполне реальными неприятностями.

– Я постараюсь, Таньги, – король кивнул головой и с особенной теплотой добавил: – Ты вот уже тридцать лет рядом со мной. За это время ты не единожды доказывал мне свою преданность. Нет никого, кому я бы доверял больше, чем тебе. Я тебя считаю своим другом, Таньги, хотя ты нередко и задеваешь мою гордость... поступками и словами, весьма неприятными для меня. В таких случаях, я всегда утешаю себя мыслью о том, что придёт день и ты, наконец, перестанешь говорить гадости.

– А кто их тебе ещё скажет? – Таньги ухмыльнулся и указал на птицу, которая сидела с надутым видом, словно оценивала весь их разговор и собиралась изречь своё мнение. – Попугай не он, а все те наряженные придворные, называемые твоей свитой. Они только и делают, что ходят за тобой и повторяют все глупости, кои ты ежедневно изрекаешь.

– Таньги, перестань оскорблять моих приближённых, – начал, было, король, но тут же запнулся и воскликнул: – Святой Педро, я же забыл, по какой причине тебя искал.

– И что это за причина, Карл? Надеюсь, ты собирался передать мне пару пистолей? По правде говоря, у меня заканчиваются деньги. Очень неприятное положение. Неприятное и щекотливое.

– Ты получишь пятьдесят пистолей! – пообещал король.

– С чего это ты так расщедрился? – Таньги не мог скрыть своего удивления. Он подозревал, что причина неожиданной щедрости короля имеет неприятную для него подоплёку. И как всегда не ошибся. Его догадку подтвердил сам король.

– Я хочу, чтобы ты немедленно отправился в Гасконь!

– Понятно, – протянул Таньги, недовольно поглядывая на короля, – ты хочешь известить графиню Д'Арманьяк о своём союзе с герцогом Бургундским.

Король кивнул.

– Она, кажется, находится в одном из родовых замков... в графстве Фацензак?

Настал черёд кивнуть Таньги.

– Отправляйся туда и объясни графине, что герцог Бургундский наш союзник отныне. Она должна прекратить все враждебные действия в отношении своего брата.

– Это будет нелегко сделать! – Таньги почесал свой затылок. Вероятно, он пытался понять, каким образом можно выполнить просьбу короля.

– Она должна смириться, Таньги. Я глубоко уважаю графиню, но сейчас помощь герцога необходима в войне против Англии. Я хочу закончить эту войну. И как можно скорее.

– Карл, я всё прекрасно понимаю. Больше того, я полностью с тобой согласен. Ты можешь и должен использовать своих врагов. Это лишь упрочит твой трон. Но графиня... она ненавидит брата. Даже под страхом смерти нам не удастся её убедить. Мы оба это знаем, Карл. И признаться, мне не по душе такое поручение. Кем она меня посчитает? Все эти годы я был ей преданным другом, а сейчас... переметнулся на сторону герцога Бургундского? – в конце речи Таньги вопросительно посмотрел на короля.

– Таньги, только ты сможешь её убедить. Другим такое поручение выполнить не под силу. Внутренние раздоры крайне опасны. У нас появилась возможность если не выиграть войну, так, по крайней мере, вернуть то, что англичане сумели у нас отнять. Эта цель стоит всех остальных.

– Я выеду завтра утром! Постараюсь выполнить твоё поручение, Карл. Однако ничего не обещаю.

На этом разговор между королём и Таньги завершился. Первый отправился в покои королевы, второй же к королевскому казначею за обещанными пистолями. Получив деньги, Таньги отправился в свою комнатку, которая была расположена вдали от королевских и прочих покоев высшей знати и некоторых фаворитов. Поколебавшись, Таньги накинул на себя кольчугу. Тонкую, но весьма прочную. Она не раз спасала ему жизнь. Таньги справедливо рассудил, что и сегодняшний вечер может обернуться большими неприятностями. Поверх кольчуги, он накинул стеганую куртку. Обул самые длинные сапоги из тех, что у него имелись. Накинул плащ на плечи. Заключительной деталью наряда стала шляпа полуовальной формы с торчащим пером и опущенными краями. Таньги поправил перевязь со шпагой и, прихватив два кинжала, которые тут же исчезли в голенищах сапог, ...неторопливо покинул покои. Он направлялся в одно небезынтересное местечко. Следовало закончить одно очень важное дело, прежде чем отправиться в Гасконь.

Глава 9

Париж

Париж состоял из трёх частей. Каждая из этих частей, переплетённая паутиной улиц, представляла собой, даже не отдельный квартал, ... а целый город со своим укладом, образом жизни и негласными законами.

С первого взгляда становилось ясно, что эти три отдельные части Парижа составляют единое целое. Основой всех дорог стали две длинные параллельные улицы, тянувшиеся беспрерывно, без поворотов, почти по прямой линии. Спускаясь перпендикулярно к Сене и пересекая все три части города из конца в конец, с юга на север, они соединяли, связывали, смешивали их, неустанно переливая людские волны из ограды одной части Парижа в ограду другой. Превращали три части в одну. Первая из этих улиц вела от ворот Сен-Жак к воротам Сен-Мартен. В «Университете» она называлась улицей «Сен-Жак», в «Сите» – «Еврейским кварталом», а в «Городе» – улицей «Сен-Мартен». Она дважды перебрасывалась через реку мостами Богоматери и Малым. Вторая называлась улицей Подъёмного моста – на левом берегу, Бочарной улицей – на острове, улицей Сен-Дени – на правом берегу, мостом Сен-Мишель – на одном рукаве Сены, мостом Менял – на другом, и тянулась от ворот Сен-Мишель в «Университете» до ворот Сен-Дени в «Городе». Словом, под всеми этими различными названиями скрывались все те же две улицы. Улицы-матери, улицы-прародительницы, две артерии Парижа. Все остальные вены этого тройного города либо питались от них, либо в них вливались. Независимо от этих двух главных поперечных улиц, прорезавших Париж из края в край, во всю его ширину, и общих для всей столицы, «Город» и «Университет», каждый в отдельности, имели свою собственную главную улицу, которая тянулась параллельно Сене и пересекала под прямым углом обе «артериальные» улицы. Таким образом, в «Городе» от ворот Сент-Антуан можно было по прямой линии спуститься к воротам Сент-Оноре. А в «Университете» от ворот Сен-Виктор к воротам Сен-Жермен. Эти две большие дороги, скрещиваясь с двумя упомянутыми выше, представляли собою ту основу, на которой покоилась всюду одинаково узловатая и густая, подобно лабиринту, сеть парижских улиц. Пристально вглядываясь в сливающийся рисунок этого разнообразия улиц, можно было различить два пучка, расширяющихся один в сторону «Университета», другой же – в сторону «Города»... две связки больших улиц, которые шли, разветвляясь, от мостов к воротам.

Первый из трёх частей... остров «Сите». Остров «Сите» расположился почти в самой середине Сены. Своими формами он весьма напоминал...огромное судно. Нос этого судна был направлен на запад, где сразу же бросалась в глаза широкая, свинцовая крыша церкви Сент-Шапель. Крыша Сент-Шапель напоминала спину слона несущего тяжёлую ношу в виде башни. Над башней возвышался самый красивый, самый утончённый, самый изящный шпиль с кружевным конусом, через который просвечивало небо. Перед собором Парижской Богоматери, со стороны паперти, раскинулась большая площадь. К площади одновременно примыкали три улицы. Южная сторона площади навевала мрачные мысли. И виной тому являлся угрюмый вид госпиталя Отель-Дье с уродливой крышей покрытой непонятными наростами. Далее в этом довольно небольшом пространстве острова Сите располагались десятки церквей. Начиная от приземистой, испещрённой множеством выбоин романской колокольни Сен-Дендю-Па и заканчивая острыми шпилями церковью Сен-Пьеро-Беф и Сен-Ландри. Позади собора Парижской Богоматери раскинулся монастырь. Впереди – епископский дворец. Здесь же на острове дома располагались слишком тесно. Они вплотную примыкали друг к другу и, тем не менее, каждый из них можно было легко определить по ажурным навесам. Навесы украшали всё, вплоть до слуховых окон. Чуть дальше располагались просмоленные балаганы рынка

Палюс. За ними располагалась улица Фев и аббатство Сен-Жермен. Здесь же находился вращающийся «позорный столб» и красивейшая мостовая Филиппа Августа. И особенным изяществом отличалась «дорожка для всадников» вымощенная на мостовой.

Вправо от Сент – Шапель на самом берегу Сены располагался дворец Консерьежи, или как его ещё называли, «Дворец правосудия». На Западной оконечности «Сите» были разбиты королевские сады. Именно они скрывали унылый вид расположенного по соседству «острова коровьего перевоза». Именно благодаря формам «Сите» на гербе Парижа появилось судно. И это самое «судно» пришвартовали к обоим берегам Сены пятью мостами. Три моста с правой стороны. Из них два – «мост Богоматери» и «мост Менял» – были каменными. «Мельничный» – деревянным. И ещё два с левой стороны. Каменный – «Малый мост» и деревянный «Сен-Мишель»

Минуя эти мосты, застроенные домами с зелеными кровлями, заплесневевшими от водяных испарений, дорога приводила к «Университету». И здесь, прежде всего вас поражал приземистый сноп башен Пти-Шатле, ворота которого, казалось, поглощали конец Малого моста. Если же проследить тот путь, что устремлялся вдоль берега с востока на запад, от башни Турнель до Нельской, так перед вами длинной вереницей бежали здания с резными балками, с цветными оконными стеклами, с нависшими друг над другом этажами. Нескончаемая ломаная линия остроконечных кровель, то и дело прерываемая улицей, обрываема фасадами или углом большого особняка, непринужденно раскинувшегося своими дворами и садами среди сближающихся домов, подобно богатому купцу среди нищих торговцев. Таких особняков на набережной имелось не меньше шести. От особняка де Лорен, разделившего с бернардинцами большое огороженное пространство по соседству с Турнель, и до особняка Нель, главная башня которого стала рубежом Парижа. На этом берегу Сены имелось гораздо меньше заведений, нежели на противоположном. «Набережной» в настоящем смысле этого слова служило лишь пространство от моста Сен-Мишель до Нельской башни. Остальная часть берега Сены была либо оголенной песчаной полосой, как по ту сторону владения бернардинцев, либо скоплением домов, подступающих к самой воде, между двумя мостами. Университетская сторона казалась огромной, сплошной глыбой. Частые остроугольные, сросшиеся, почти одинаковые по форме кровли с торчащими трубами, казались совершенно невзрачными. Прихотливо извивавшийся ряд улиц разрезал почти на одинаковые части все дома. На левом берегу торжественно возвышались прекрасные особняки: Неверское подворье, Римское подворье, Реймское подворье и особняк Клюни. Здание романского стиля с прекрасными сводчатыми арками, возле Клюни – это термы Юлиана. Здесь имелось также множество аббатств более смиренной красоты, более суровой величавости, но не менее прекрасных и не менее обширных. Из них прежде всего привлекали внимание Бернардинское аббатство с тремя колокольнями, монастырь святой Женевиевы. Сорбонна с изумительным нефом. Красивый квадратной формы «монастырь Матюринцев». Расположенный по соседству монастырь бенедиктинцев. Кордельерское аббатство с тремя громадными высящимися пиньонами. Августинское аббатство, изящная стрела над этим удивительным по красоте сооружением взлетала ввысь, вслед за Нельской башней. Сюда же можно отнести «Холм святой Женевиевы».

Наконец, в промежутках между этими кровлями, шпилями и выступами несчетного числа зданий, причудливо изгибавших, закручивавших и зубуривавших линию границы Университетской стороны, местами проглядывали часть толстой замшелой стены, массивная круглая башня, зубчатые городские ворота, изображавшие крепость, – то была ограда Филиппа Августа. За ней зеленели луга, убегали дороги, вдоль которых тянулись последние дома предместий, все более и более редевшие, по мере того как они удалялись от города.

Начиная от Турнель, предместье Сен-Виктор с его мостом через Бьевр с его аббатством, в котором сохранилась эпитафия Людовика Толстого – «*epitaphium Ludovici Grossi*» – с церковью, увенчанной восьмигранным шпилем, окруженным четырьмя колоколенками. Далее начи-

налось предместье Сен Марсо, имевшее три церкви и один монастырь. Еще дальше, оставляя влево четыре белые стены мельницы Гобеленов, располагалось предместье Сен-Жак с чудесным резным распятием на перекрестке. Потом – церковь Сен-Жак-дю-Го-Па. Церковь Сен-Маглуар с прекрасным нефом. Церковь Нотр-Дам-де-Шан с византийской мозаикой. Наконец, минуя стоящий в открытом поле картезианский монастырь с множеством палисадников и пользующиеся дурной славой руины Вовера, взгляду представляли три романские стрелы церкви Сен-Жермен-де-Пре. Позади этой церкви начиналось Сен-Жерменское предместье, состоявшее из семнадцати улиц. На одном из углов предместья высилась островерхая колокольня Сен-Сюльпис. Но особенно привлекало взор и надолго приковывало к себе внимание... аббатство Сен-Жермен. Этот монастырь, производивший внушительное впечатление и как церковь и как господское поместье, этот дворец духовенства, в котором парижские епископы считали за честь провести хотя бы одну ночь. Его трапезная, которая благодаря стараниям архитектора, по облику, красоте и великолепию окну напоминала собор. Изящная часовня во имя Божьей матери. Огромный спальный покой. Обширные сады. Опускная решетка. Подъемный мост. Зубчатая ограда на зеленом фоне окрестных лугов. Дворы, где среди отливавших золотом кардинальских мантий сверкали доспехи воинов.

На правом берегу, где располагался «Город» картина резко менялась. «Город», хотя и более обширный, чем «Университет», тем не менее, не представлял такого восхитительного единства домов, улиц и монастырей. С первого же взгляда нетрудно было заметить, что он распадается на несколько совершенно обособленных частей. Та часть «Города» на востоке, которая называлась «Болотом», представляла собою скопление дворцов. Весь этот квартал тянулся до самой реки. Четыре почти смежных особняка – Жуй, Сане, Барбо и особняк королевы – отражали в водах Сены свои шиферные крыши, прорезанные стройными башенками. Эти четыре здания заполняли все пространство от улицы Нонендьер до аббатства целестинцев. Позади этих дворцов, разветвляясь по всем направлениям, то в продольных пазах, то в виде частокола и все в зубцах, как крепость, то прячась, как загородный домик, за раскидистыми деревьями, тянулась бесконечная, причудливая ограда дворца Сен-Поль, в котором могли свободно и с роскошью разместиться двадцать два принца королевской крови со слугами и свитой. Огромное количество комнат позволяло предоставлять гостям все радости жизни, начиная от парадного зала и до молельной. Не говоря уже о галереях, банях, ваннах и иных относящихся к ним «подсобных» комнат. Мы даже не упоминаем об отдельных садах, отводимых для каждого королевского гостя. О кухнях, кладовых, людских, общих трапезных, задних дворах и винных погребах. О залах для игры в шары или в мяч. О птичниках, рыбных садках, зверинцах, конюшнях, стойлах, библиотеках, оружейных палатах и кузницах. Вот что представлял собою тогда королевский дворец Сен-Поль. Это был город в городе.

Глава 10

Глава ордена его преосвященство епископ де Лануа

Почти в то же самое время, когда происходил разговор между королём и Танги, молодой мужчина в роскошной одежде осматривал скромное убранство церкви расположенной в аббатстве Бернардинцев. На синем плаще, прикрепленном двумя пряжками к его плечам, красовались... королевские лилии. Молодой человек обладал весьма невыразительным лицом и неприятной улыбкой. Неприятной, по причине многозначительности и коварства, кои одинаково отражала эта самая улыбка. Этот человек являлся ни кем иным, как наследником французского престола. В то время как Дофин, или как его ещё называли, принц Людовик, рассматривал в мельчайших подробностях распятие креста, позади него остановился ещё один молодой человек, облаченный в более скромную одежду. Этот человек обладал отталкивающей внешностью, чем вызывал неприязнь при первом же взгляде. Он обладал маленькими хищными глазами и острым носом. Несколько крупных бородавок расположились на правой щеке этого человека. Тристан Лермит – доверенное лицо и наперсник принца Людовика. Человек, которому Дофин доверял и которого ценил. Их часто видели вместе. Кроме всего прочего, Тристан охранял королевскую особу. Хотя справедливости ради следует признать, что истинное положение Тристана при особе Дофина, не знал ни один человек. Ходили всяческие слухи о том, какого рода поручения выполнял Тристан для своего господина. Но это были лишь слухи и ничего больше. Истину знали лишь двое. Сам Дофин и Тристан. Тристан обладал незаурядным умом и отличался необычайной наблюдательностью. И сейчас, стоя позади Дофина, он зорко осматривал церковь. Заслышав шаги, Тристан слегка откинул плащ и взялся за рукоятку ножа, торчавшую за поясом. Однако, увидев вошедшего, он не только убрал руку с оружия, но и низко поклонился. Настоятель аббатства Бернардинцев, его преосвященство епископ Лануа, прошёл мимо Тристана, не удостоивая его вниманием. Епископ остановился справа от Дофина и скрестив руки, вложил их в просторные рукава рясы. Лануа постарел за эти годы. Лицо было испещрено глубокими морщинами, но взгляд оставался таким же ясным и... холодным. Не отрывая взгляда от распятия, принц Людовик негромко и с отчётливым благоговением заговорил:

– Стоит лишь задуматься, как сразу же приходит понимание величия и бессмертия. Именно они стоят выше всех иных положений. Заставляют нас совершать бездумные, а порой даже безумные деяния. Ибо каждый из нас мечтает приблизиться к ним, ощутить в себе ту святость, что привела спасителя к мучительной смерти. Ощутить, но... не принимать такого же ужасного конца. В этом и заключена наша слабость. Мы желаем получить всё, но не готовы пожертвовать собой. И посему всегда останемся лишь теми, кто будет смотреть на распятие.

– Святость определяется лишь самим господом! – подал голос епископ Лануа. Взгляд Дофина скользнул по лицу епископа.

– Всегда найдутся люди, готовые взять на себя роль творца! – как бы невзначай бросил Дофин. – Удел таких людей забвение. Забвение и мрак.

Епископ незаметно вздрогнул. Он устремил пронизательный взгляд на Дофина. Но лицо принца выражало безмятежность. Подозрительное выражение, появившееся на лице епископа, исчезло, уступив место сосредоточенности.

– Ваше высочество всё ещё нуждается в моей помощи? – тихо спросил у принца Лануа.

– Я уже высказал мнение по этому поводу, – так же тихо ответил Дофин. – Мне не ведомы ваши деяния и помыслы, однако я достаточно хорошо знаю, что вы человек могущественный. Очень могущественный. Именно эта причина послужила поводом для нашей встречи. Я знаю, вы преданы герцогу Бургундскому. И это меня беспокоит. Очень беспокоит. Герцог слишком

тщеславен. Он только и занимается тем, что строит козни против короля. Его попытки расшатать трон Валуа бывают порою весьма болезненными. Ко всему прочему, – продолжал так же тихо принц Людовик, бросая при этом многозначительный взгляд на епископа, – мне известно, что именно ваше преосвященство оказывает герцогу Бургундскому помощь в таких попытках. Я не вижу другой причины, за исключением той, которая заключена в старой дружбе. Ведь ваше преосвященство прежде служило канцлером герцога Бургундского? Не так ли?

Лануа молча кивнул головой. Он продолжал слушать Дофина с той же сосредоточенностью и вниманием.

– Я готов предложить вам свою дружбу взамен дружбы с герцогом Бургундским.

– Иными словами, – после короткого молчания заговорил Лануа, – ваше высочество предлагает мне предать дружбу с герцогом Бургундским?

– Моё высочество предлагает вашему преосвященству сделать достойный выбор. А выбор заключен в очень простых вещах. Вы остаётесь с герцогом Бургундским и соответственно пребываете в стане моих врагов. Или же вы переходите в стан моих друзей. И становитесь одним из тех, на кого я могу положиться. – В конце речи Дофин бросил выразительный взгляд на Лануа. Тот прекрасно понял значение этого взгляда. На губах Лануа появилась незаметная усмешка. Для Дофина стало очевидным, что его скрытая угроза понята. Он так же осознал, что на епископа она не произвела должного впечатления. Приходилось убеждаться в том, что этого человека нелегко запугать. И тем ценнее могла стать его помощь.

– Ваше преосвященство готово дать мне ответ сейчас? – придав голосу безразличие, поинтересовался Дофин.

Лануа снова незаметно усмехнулся.

– Вы скажусь откровенно, ваше высочество. Необходима серьёзная причина для подобного шага. Весьма серьёзная причина. Я много лет трудился во благо герцога Бургундского, и он платил мне тем же. Бросить старого друга в угоду вашему высочеству... едва ли достойный поступок. Ко всему прочему он начисто лишен смысла. Ваш отец всё ещё молод и здоров. Вы обладаете не такой уж большой властью. В отличие от герцога Бургундского. Я бы не захотел стать врагом герцога Бургундского, не имея при этом достаточно сильного защитника. А таким защитником может стать лишь один человек... король Франции.

– Святые и грешники, – приглушённо воскликнул Дофин, – ваше преосвященство слишком умны. Вы достаточно умны для того, чтобы возглавить нашу церковь...

– Возглавить церковь? – Лануа устремил удивлённый взгляд на Дофина. Становилось понятно... его преосвященство не ожидал услышать подобного предложения. А принц, почувствовав интерес собеседника, с лёгкой непринуждённостью продолжал говорить.

– И не только, ваше преосвященство. Полагаю, вы могли бы получить право продажи церковных должностей. Ко всему прочему, такая привилегия принесёт немалый доход. Вы станете почти таким же могущественным человеком, как и сам король. Кто повелевает церковью, тот повелевает всеми умами наших подданных. Разве это не достойное вознаграждение за преданность?

Чуть помедлив, Лануа кивнул.

– Слова вашего высочества заслуживают самого пристального внимания, – не мог ни признать Лануа, – однако вы забываете, что лишь король способен возвеличить меня до такой степени.

– Отнюдь, – бросая многозначительный взгляд на Лануа, возразил Дофин, – скорее это вы забываете, что преданность доказывается деяниями, а вовсе не пустыми словами. Это лишь определённое неудобство, которое ваше преосвященство, судя по слухам, вполне способен... разрешить.

– И если мне удастся... разрешить это неудобство? – всё так же внимательно глядя на Дофина, спросил Лануа.

– Вы получите всё, о чём мы говорили! – не задумываясь, подтвердил Дофин и тут же выразительно добавил. – И не забывайте, что в нашей игре герцог Бургундский лишний. Мне не нужен ещё один претендент на трон.

– Меня такое положение дел вполне устраивает, – на губах Лануа заиграла мрачная улыбка, когда он произносил эти слова.

– Следовательно?

– Ваше высочество может полностью рассчитывать на меня! – Лануа легко поклонился. На лице Дофина появилось довольное выражение. Он протянул руку Лануа.

– Вот и отлично! Надеюсь, очень скоро услышать приятные вести от вашего преосвященства!

– Вы их услышите! – Лануа пожал протянутую руку.

Сразу после этого рукопожатия, Дофин обратился к молчаливому свидетелю этого разговора – Тристану. Он коротко приказал следовать в Тур, где принц облюбовал себе укромное местечко. Слова были сказаны нарочито громко и больше предназначались для слуха Лануа. Он их услышал и вероятно сделал необходимые выводы. Едва Дофин покинул церковь, как возле Лануа незримо появились два человека. Первый был ни кто иной, как... Монтегю. Второго человека со шрамом на лице звали Артен. Оба являлись преданными слугами... ордена. Оба стали на колени и по очереди поцеловали руку с перстнем на указательном пальце Лануа. Лануа жестом приказал им подняться. Как только это произошло, Лануа очень тихо произнёс:

– Вы слышали весь разговор с его высочеством. Он меняет все наши планы. Мы должны в самое короткое время разработать и осуществить суть этого разговора. Герцог Бургундский ничего не должен узнать. Пусть думает, что всё так, как и было прежде. Для нас самое главное сейчас... Дофин. Орден будет действовать от его имени, но преследуя свои собственные цели. Подготовьте всё необходимое. И держите меня в курсе всех событий.

Оба поклонились и, пятясь назад, бесшумно покинули церковь. Оставшись один, Лануа показал своё истинное лицо. На нём застыло торжество.

– Глупцы, ничтожные глупцы, – прошептал Лануа, – вы и вправду надеетесь повелевать орденом? Вы и вправду думаете, что столетия, потраченные на могущества нашего ордена и укрепление его рядов, будут брошены в угоду вашим ничтожным амбициям? Вы лишь средство для достижения цели. И ничего больше. Но сейчас... пусть будет так, как вы того желаете!

Лануа перестал говорить и внимательно оглянулся вокруг себя. Церковь была пуста. Убедившись в этом, Лануа негромко проронил:

– Заприте двери!

Неизвестно откуда вынырнули два монаха. Один из них сразу же запер двери. Второй же подошёл к каменной статуе, на которой было изображено распятия Христа. Он упёрся в неё плечом и стал давить. Послышался лёгкий шум. Распятие стало медленно сдвигаться влево. Несколько мгновений и распятие остановилось, открывая путь вниз. Монах, сдвинувший статую, снял со стены факел и первым спустился в образовавшуюся дыру. Вслед за ним последовал Лануа. А за главой ордена последовал третий монах. После того как он исчез в отверстие на полу, статуя начала сдвигаться, возвращаясь на прежнее место. Спустившись по лестнице, все трое оказались в подземелье. Они двинулись дальше, не издавая ни звука. Подземный коридор привёл к глухой стене. Монах, шедший с факелом, привёл в действие потайной механизм. В стене открылась сквозная ниша. Один за другим все трое согнувшись, перешагнули на другую сторону и... оказались в маленьком некрополе. Перед ними ровными рядами возвышались усыпальницы. Некоторые из них были выполнены в форме часовен. Другие украшали статуи и узорные ограды. Посреди некрополя возвышался небольшой мавзолей, сооружённый из красного камня. На фасаде мавзолея латинскими буквами было выведены четыре слова: «Славься отец наш, Анатас!».

Все трое двинулись по узкой дорожке между усыпальницами в сторону мавзолея. Когда они подошли к нему, там находились около двух десятков мужчин в монашеских рясах. Все они преклонили колени, приветствуя приближение главы ордена. Лануа со своими провожатыми прошёл мимо склонённых монахов и остановился у двери ведущей внутрь мавзолея. Один из сопровождающих его монахов открыл дверь и вошёл внутрь. Второй же остался у двери. Лануа последовал за первым. Внутренне убранство мавзолея состояло из небольшого четырёхугольного стола. В дальнем конце стола было сооружено кресло. На стенах висели факелы. Ничего больше, за исключением ещё двух дверей, здесь не имелось. Лануа неторопливо прошествовал в кресло. Опустившись в него, он сделал своему провожатому выразительный знак рукой, на которой сверкал перстень. Провожатый быстро вышел из мавзолея. Очень скоро он вернулся обратно, ведя за собой ещё одного монаха. Тот прошёл к Лануа и, опустившись перед ним на колени, поцеловал руку главы ордена. Тишину мавзолея нарушил холодный голос главы ордена:

– Рассказывай, брат мой!

Монах поднялся с колен и, откинув капюшон со своего лица, с преданностью и почтительностью... подобострастно заговорил.

– Нам удалось выяснить точное место пребывания нашего врага, отец!

– Не торопись, брат мой. Говори медленно и не пропусти ни единого обстоятельства, позволяющего нам судить об угрозе ордену. Значит, вам удалось найти их? – задавая вопрос, Лануа бросил на стоявшего перед ним человека пронизательный взгляд. На лице его собеседника не дрогнул ни один мускул, когда он утвердительно кивнул.

– Да, отец! Долгие годы наших поисков, наконец, увенчались успехом. Отпрыск Д'Арманьяков был отдан монахине по имени сестра Мария. По всей видимости, она получила ещё и немало золота. Так как покинула Францию и долгое время странствовала. Мы проследили её путь до Лиона. Там она села на корабль, который шёл на Константинополь. Узнав об этом, мы незамедлительно последовали туда. Прибыв в Константинополь, мы стали опрашивать всех подряд о монахине с ребёнком. Мы занимались этим несколько месяцев. Потом мы отправились вглубь Византии. Однако ничего так и не удалось узнать о судьбе этой женщины. Потратив бесполезно целый год на поиски в Византии, мы лишь смогли выяснить одно очень важное обстоятельство, – продолжал рассказывать монах. Глава ордена следил за его рассказом с неослабным вниманием. – Корабль по пути заходил лишь в один порт. Чанаккале. Этот порт находится в Османской империи. Сознывая всю бесполезность предыдущих поисков, мы отправились туда под видом бродячих монахов францисканцев. Уже в первый месяц по прибытия в Чанаккале мы напали на след монахини. Мы нашли старика, который приютил монахиню с ребёнком. Он утверждал, что она щедро заплатила за ночлег. Ко всему прочему, она совсем не говорила на фарси. Она изъяснялась знаками и говорила, что прибыла из Франции. Монахиня пробыла у этого старика несколько дней, – продолжал рассказывать монах, – и, судя по всему, оттуда отправилась караваном в Константинополь. Мы нашли людей, которые сопровождали её. Они утверждают, что по пути слуги турецкого султана отобрали у неё ребёнка.

– Отобрали ребёнка? – Лануа отчётливо вздрогнул, когда услышал эти слова.

– Да, отец! Турки отобрали у монахини трёхлетнего мальчика. Впоследствии мы получили подтверждение этим словам. Мальчик был насильно отобран у монахини. Сама же монахиня после этого случая ушла с цыганами. Мы сразу же направились на её розыски.

– А мальчик? Что с ним стало?

Лицо рассказчика помрачнело, когда он услышал эти слова.

– Нам пока не удалось уничтожить нашего врага. Мы предприняли все необходимые меры, но так и не сумели с ним встретиться. Но мы знаем, где именно он находится и где находится его мать.

– Вы знаете и не умертвили его? – угрожающий голос главы ордена отозвался эхом в каменном мавзолее.

– Мы не смогли, отец наш! Мальчик в трёхлетнем возрасте был отдан в мамлюки. С той...

– Что ещё за мамлюки?

– В Османской армии существует особые воины – мамлюки. В них набирают детей убитых или захваченных христиан. Этим мальчикам воспитывают как настоящих воинов. Их учат всему. Начиная от обращения всеми видами оружия, заканчивая ловким управлением лошадью. С утра до вечера, год за годом, полководцы султана выковывают их тела для будущих битв. Лучшие из лучших попадают в особый отряд. Сами турки его именуют «диким отрядом». Отец... наш враг состоит в этом самом отряде. Все эти годы, он только и делал, что сражался. Он побывал в десятках сражений и покрыл себя славой. Сами турки его прозвали «Азар», что означает тысяча. Он один из немногих, кто пользуется особой привилегией. Несколько раз в год ему позволено видеться с матерью. Многие даже ради золота не соглашаются помочь нам. Их пугает этот человек. Всем известно, чего стоят воины мамлюки из «дикого отряда».

– Он считает монахиню своей матерью?

– Да, отец!

– Следовательно, она ему ничего не рассказывала? Если ей вообще что-то известно.

– Так и есть, отец! Наш враг даже не подозревает о том, кем он является на самом деле!

Лануа задумался. Некоторое время стояла тишина, затем раздался повелительный голос:

– Необходимо всё устроить так, чтобы никто ничего не заподозрил. Наш враг должен похоронить свою тайну вместе с собой и своей матерью. Для этого... мы должны убить монахиню. Нужно устроить это убийство во время его очередного приезда. Если он считает её своей матерью, то не станет терпеть и попытается отомстить обидчикам. Важно, чтобы убийство осуществили люди султана. Мы заплатим им столько, сколько они попросят.

– Это в наших силах, отец Вальдес! – рассказчик не смог скрыть радостной улыбки. – Я знаком с янычарами. За деньги они уничтожат весь табор.

– Хорошо. Заплати им, сколько требуется, и ничего не говори о сыне монахини. Он сам их найдёт. Пусть будут готовы. Пусть возьмут двадцать человек, тридцать... мы должны исключить любую возможность спасения нашего врага. Однако это вовсе не значит, что до той поры мы не можем его умертвить. Используйте все наши возможности. Следите за ним днём и ночью. Как только представится подходящий случай, нанесите смертельный удар. Сгодится любой способ, для того чтобы убить его. И вот ещё что, – Лануа бросил весьма выразительный взгляд и, лишь потом закончил: – О нашем разговоре никто не должен знать. Это касается и наших братьев. Некоторые из них могут сболтнуть лишнего, другие же недостаточно осмотрительны. Во всех случаях ответ должен быть один – мы прекратили поиски. Наши враги мертвы. Тебе понятно, сын мой?

– Повинуюсь, отец! Никто из наших братьев в Париже не будет знать истинного положения дел, – монах склонился в поклоне.

– Иди! Иди и уничтожь нашего врага. Орден воздаст тебе по заслугам за преданность!

– Он будет убит, отец Вальдес!

Глава 11

Таньги решается на вылазку

Покинув дворец, Таньги миновал особняк Пти-Мюс. Затем обошёл аббатство Сен-Мор, имевшее вид крепости. С массивной башней, бойницами, амбразурами, небольшими железными бастионами и гербом аббатства на широких саксонских воротах, между двух выемок для подъемного моста. Следующие четверть часа Таньги провёл бесцельно слоняясь в непосредственной близости от аббатства. При этом он выказывал показную расслабленность, а глаза с неусыпным надзором следили за всем, что происходило в пределах видимости Таньги. Не раз он поднимал голову кверху и с досадой поглядывал в сторону полной луны, что уютно расположилась на небе. Каждый такой раз, Таньги вполголоса бормотал проклятие. Благодаря луне вокруг всё ещё было светло. И это несмотря на поздний час. Его такое положение дел никоим образом не устраивало. По прошествии этого короткого времени и лишь убедившись в том, что ничего подозрительного не происходит, он спустился на набережную Сены. У кромки воды его ждал паромщик. Таньги без излишних слов уселся в лодку и закутался в плащ. Паромщик же, так же молча, отчалил от берега. Лодка медленно поплыла вдоль берега реки. Вокруг царил относительная тишина. Лишь изредка до них доносились возгласы развеселившихся школяров, что так часто собирались на берегу. Таньги полностью погрузился в размышления. До конца пути он не проронил ни единого слова, равно как и сам паромщик. И лишь когда нос лодки ткнулся в песок и последовал небольшой толчок, он прервал молчание.

– Возьми, – Таньги поднялся и, вытащив из кошелька пистоль, протянул паромщику. Тот принял монету, не преминув оценить щедрость такого поступка благодарным кивком.

– Получишь столько же, если дождёшься моего возвращения!

Паромщик снова кивнул. Перебравшись на нос, Таньги спрыгнул с лодки на песок и сразу же направился вдоль берега. Достигнув полуразрушенных построек, он остановился и огляделся по сторонам. Вокруг всё ещё было светло. И, тем не менее, Таньги никого не увидел. Он ещё раз огляделся и уже после этого гневно пробормотал:

– Клянусь памятью королевы, ... этот жирный монах испугался. А я глупец полагал, что он ставит бутылочку вино и жаркое... выше своего страха. Где ты... брат Калиостро? – воззвал во всю силу своих лёгких Таньги. Тут же рядом с ним раздался испуганный голос.

– Тише брат мой, ради всего святого... тише. Ваш голос может привлечь внимание. А если это произойдёт, я буду наказан. Вы же не желаете зла своему другу?

– Да где же ты прячешься? Чёрт тебя побери, Калиостро... я не вижу тебя, – как ни вглядывался Таньги, но так и не сумел обнаружить источник, из которого исходил голос.

– Меня зовут Калистор. Брат Калистор. Я вам не раз повторял, досточтимый друг!

Возле построек появилось довольно внушительное по объёму тело, облачённое в рясу. Брат Калистор, испуганно озираясь по сторонам, подошёл к Таньги. Глядя на него с мольбой, он заговорил елеинным тоном, свойственным некоторым священнослужителям.

– Брат мой, надеюсь, вы не станете настаивать на своей просьбе. В прошлый раз я был слишком пьян и не сознавал своих глупых речей. Равно, как и своих бездумных обещаний. Благочестие и смирение покинули меня в тот вечер. Но мой добрый друг не станет пользоваться моими слабостями? – в конце речи монах с надеждой посмотрел на Таньги. Тот незаметно для него усмехнулся. Затем, придав голосу сочувственные нотки, ответил:

– Я возможно и не стал бы. Однако королевская стража не так добра как я.

– Королевская стража? – испуганно повторил монах.

– В тот вечер в харчевне находился один из королевских стражей. Он слышал все твои слова и доложил королю. Король пришёл в ярость и хотел арестовать тебя. Он так и сказал,

что собирается бросить тебя в темницу. И добавил, что собирается морить тебя голодом до тех пор, пока ты не расскажешь всё, о чём тебе известно.

– Голодом? – раздался слабый голос.

– Но мне удалось убедить короля в том, что ты являешься самым преданным слугой его величества и готов служить ему...за определённую плату. Я обещал королю, что он может положиться на тебя.

– Мой добрый...мой единственный друг!

– Однако если ты, брат Калиостро, не хочешь служить королю...

– Что я должен делать? Приказывайте, мой друг. Обещаю, король будет мной доволен.

– Я и не сомневался в твоём благоразумии, – заверил монаха Танги и продолжал, понизив голос до шёпота. – Ты рассказывал о встрече неких братьев...того самого ордена...

– Тише, – испуганно прошептал брат Калистор, – заклинаю вас, не произносите вслух ничего. Это слишком опасно.

– Так вот, брат Калиостро, – не слушая монаха, вполголоса продолжал Танги, – мне необходимо попасть на эту встречу. Я должен знать, что там происходит. Или, по меньшей мере, слышать весь разговор.

– Вас могут убить...

– А вот это уже не твоя забота. Проводи меня к месту встречи, и я буду считать обещание, данное его величеству, выполненным. Если этот разговор оправдает мои ожидания, ты ещё ко всему прочему получишь полновесный пистоль.

– Надеюсь, вы доживёте до того часа, когда вручите мне деньги, – пробормотал монах и тут же, приложив палец к губам, добавил. – Отныне ни единого слова...иначе мы оба умрём.

Танги кивнул, а в следующее мгновение последовал за братом Калистором. Тот повёл его в сторону аббатства Бернардинцев. Очень скоро показались все три колокольни аббатства. Брат Калистор всё время петлял, и Танги начинало казаться, что им никогда не удастся добраться до аббатства. Но он ошибался. Обойдя каменную стену, они подошли к невзрачной на вид калитке. Вслед за монахом Танги вошёл внутрь и оказался...в саду с двумя часовнями. Миновав сад и часовни, они добрались до небольшого строения без окон. Здесь была единственная дверь. В неё они и вошли и...оказались в кромешной темноте. Танги не видел даже силуэт впереди идущего брата Калистора. Он едва не упал, оступившись на ступеньке. Понимая, что перед ним лестница, Танги начал спускаться, прощупывая каждый шаг. Едва лестница закончилась, он упёрся в широкую спину монаха. Тот, по всей видимости, дожидался его прихода. Чуть помедлив, брат Калистор двинулся дальше. Глаза Танги понемногу привыкали к темноте. Он чутко прислушивался к гулким звукам шагов. Слух помогал глазам двигаться в правильном направлении. Вскоре они вышли к основанию узкой лестницы. Ступеньки лестницы резко уходили вверх. Танги уже достаточно освоился в темноте и сумел разглядеть все эти детали. Вслед за монахом он начал подниматься вверх. Лестница привела в слабо освещённый коридор со сводчатым потолком. Брат Калистор провёл Танги в конец коридора. Туда, где находился балкон. Здесь они остановились. Брат Калистор наклонился к уху Танги и прошептал:

– Разговор состоится внизу, в часовне. Оставайтесь здесь и вы всё услышите. Я вернусь за вами, когда все уйдут.

С этими словами брат Калистор покинул Танги. Чуть позже и шаги в коридоре затихли. Оставшись один, Танги вначале огляделся, затем осторожно вышел на балкон и через перила посмотрел вниз. Острый взгляд выхватил хорошо освещённый зал. В центре зала была сооружена исповедальня. Скучная обстановка...Заслышав звук, Танги отпрянул назад и, прижавшись к стене, медленно опустился на корточки. Иначе его могли увидеть снизу. Под ним начал раздаваться шум шагов. Однако очень скоро всё стихло. Танги не знал, сколько времени ему придётся ждать. По этой причине, он решил принять более удобную позу. Вначале он припод-

нялся, а потом сел на холодный пол балкона, предварительно подсунув под себя полы плаща, и обняв двумя руками колени, задумался о цели своего появления в этом монастыре. Все эти годы ему не давала покоя мысли об ордене. Что если в ту далёкую ночь орден не был уничтожен? Что если они уничтожили лишь часть колдунов? Самую незначительную часть? А главным действующим лицам удалось ускользнуть? Что если именно они организовали убийство Филиппа? И почему они забрали с собой наследника Д'Арманьяков? Не приходилось сомневаться в участии ребёнка. Никто, и в первую очередь герцог Бургундский, не позволили бы ему жить. В последние годы он начал забывать обо всём. И вот, неожиданная встреча в харчевне с монахом вызвали у него новые подозрения. Он не поверил своим ушам, когда услышал, как монах похвально, будто бы состоит в некоем ордене. Да ко всему прочему называет его «богоугодным». Если, конечно же, орден, в котором состоит монах, и есть именно то, о чём он думает. В любом случае, он скоро убедится или окончательно расстанется со своими подозрениями. Танги возлагал мало надежды на сегодняшнюю ночь. Скорее всего, он просто ошибся, и речь идёт о другом ордене. По большому счёту, он здесь лишь для того, чтобы проверить свои подозрения. Танги пришлось оторваться от своих мыслей. Внизу под ним раздались отчётливые шаги. По звуку шагов Танги определил, что идёт не один человек, а несколько. Он не успел поразмыслить над последним предположением, когда услышал отчётливый голос. Танги вздрогнул и покрылся лёгкой бледностью. Рука до боли сжала эфес шпаги. Он узнал бы этот голос из тысячи других. Ибо этот голос принадлежал... Иуде, которого он так долго искал. Голос принадлежал... Монтегю.

– Брат мой, вы привезли яд?

– Да, брат мой, – донёсся до Танги снизу незнакомый голос. – Я выполнил поручение ордена. Яд привезён и находится в Париже. В нужный момент он будет доставлен на место.

– Отлично, – снова раздался голос Монтегю, в котором явственно различалось удовлетворение. – Можем ли мы говорить о том, что сумели получить нужный состав?

– Безусловно, – ответил тот же незнакомый голос, – это так называемый «пузырьковый» яд. Достаточно вылить его в воду и человек, который искупается в ней, умрёт в течение трёх месяцев мучительной смертью. Яд впитывается в кожу. А оттуда проникает в кровь. На коже появляются пузырьки, очень похожие на гнойные пятна. По этой причине действие этого яда принимают за болезнь проказы. Пузырьки сходят вместе с кожей и вызывают адскую боль. Бывали случаи, когда боль становилась причиной преждевременной смерти.

Вновь прозвучал голос Монтегю.

– Отец Вальдес будет доволен тобой, брат мой. А что скажет наш брат прибывший изда-лека?

В ответ на вопрос Монтегю до Танги донёсся ещё один незнакомый голос.

– Мы сумели проследить весь путь, брат мой!

«Их трое», – успел подумать Танги, прежде чем снова услышал ненавистный голос.

– Мы в нетерпенье, брат мой. Удалось узнать, жив ли последний из трёх?

«Последний из трёх? Кого они имеют в виду?» – подумал, было, Танги, и тут же услышал ответ, который заставил его оцепенеть.

– Отпрыск Д'Арманьяков был передан монахине по имени Мария. Нам удалось проследить её путь. Мы точно знаем, что монахиня с мальчиком на руках села на французский корабль, следовавший в Константинополь. Нам удалось выяснить, что корабль прибыл в Византию. По пути он останавливался лишь в одном порту у входа в Дарданеллы. Это город Чанаккале. Даже скорее не город, а крепость. Мы несколько месяцев пытались выяснить, где именно сошла монахиня, но так ничего и не узнали. Лишь один слепой старик сказал, что хорошо помнит монахиню с ребёнком на руках. Она заплатила ему за ночлег, а на следующее утро ушла. Куда, он не знает. Но произошло это в Константинополе. Мы обыскали весь Константинополь, но ни одного следа больше не нашли. Вот и всё, что нам удалось выяснить за эти годы.

Скорее всего, и монахиня, и мальчик...погибли, оказавшись в чужих краях. По этой причине мы прекратили поиски и вернулись во Францию.

– Отец Вальдес решит, как именно следует поступить. Встречаемся ровно через месяц в этом месте и в этот час. В особенных случаях, вы вскоре сможете меня найти во дворце Сен-Поль. Я состою при особе герцога Бургундского.

Чуть позже послышались шаги. Постепенно они начали стихать. Вокруг снова наступила тишина. Танги откинулся спиной к стене. Лицо его выглядело совершенно мрачным. И оно оставалось таким до возвращения брата Калистора. Монах сумел вывести Танги обратно незамеченным. За что и получил два пистоля вместо обещанного одного.

– Король будет доволен мною? – на прощание спросил у Танги брат Калистор.

– Вне всякого сомнения! Ты сослужил огромную службу для короля, – ответил Танги. И на сей раз он говорил совершенно искренно. – Жди от меня весточки, брат Калиостро. У меня такое чувство, будто мы с тобой ещё не раз увидимся.

Попрощавшись с монахом, Танги направился к берегу, где его ждал паромщик. Монах же некоторое время с досадой смотрел ему вслед, затем раскрыл ладонь и стал рассматривать полученные деньги. Вне всякого сомнения, они привнесли ему в душу радость. Он заулыбался. Запратав деньги глубоко под рясу, он чуть ли не бегом отправился обратно в аббатство.

Танги же благополучно вернулся обратно во дворец. Не говоря ни одной живой душе ни единого слова, он взял коня из королевской конюшни. Так и не сумев выспаться, он отправился в далёкий путь. Дорога лежала в графство Фацензак. В Гасконь. Уже выезжая из Парижа, Танги пробормотал под нос:

– Похоже, этот мерзавец подался в услужение ордену. Следует выяснить какова его роль...а заодно и узнать что за загадочный «отец Вальдес»...узнать кто скрывается под этим именем... Будь всё проклято...как я мог так сильно ошибаться? Они не только существуют, но и стали гораздо опасней. Единственное чему я рад, так это тому, что эти чудовища...судя по всему не нашли мальчика. И где он может находиться? Если конечно всё ещё жив.....

Глава 12

Долина Ашу. Османская Империя

Ночное небо усыпали тысячи и тысячи звёзд. Они ниспускали мягкий свет на берег маленькой речушки, чьи воды с озорством и игривостью прокатывались по долине Ашу, даря прохладу, одновременно утоляя как жажду души и тела, так и наполняя печальный взор тихой радостью. Именно эти чувства испытывала пожилая женщина в монашеском облачении, что сидела в эту ночь на берегу. Печальный взгляд был устремлён в сторону реки, а на губах то и дело появлялась мягкая улыбка. Позади монахини раздался звонкий смех. Она улыбнулась ещё шире. Она безошибочно узнала этот голос. Так же, как она сумела узнать за долгие годы и язык цыган, и их обычаи. Позади неё горели десятки костров. За кострами шли оживлённые беседы. В общем, всё как обычно. Временами она сама чувствовала себя как цыганка. Табор стал ей родным. Он стал родным и для её... сына.

– Жан, – тихо прошептала сестра Мария. Она пересела на валун, стоявший у самой кромки воды, затем подобрала полы рясы и опустила ноги в воду, ощущая живительную прохладу. Её мысли унеслись далеко. Во Францию. Она всей душой стремилась попасть обратно на родину. И время отъезда подходило всё ближе и ближе. Ей оставалось лишь подготовить Жана. Однако она и не знала с чего начать разговор. Ведь истина в одно мгновение перевернёт весь привычный для него мир. И стоило ли вообще сообщать ему об истинном положении вещей? Не лучше ли оставить, как есть? Но как тогда уговорить его уехать домой? И имеет ли она право впредь утаивать от него истину?

Эти вопросы она задавала себе каждый день и не находила ответа. Временами ей казалось, что решение найдено, однако следом накатывали сомнения, и всё начиналось снова. Она оттягивала разговор с Жаном. Сестра Мария относилась к нему, как к собственному сыну, и всё что входило в противоречие с этим чувством, вызывало у неё протест. Она не могла не понимать простой истины. Сообщив ему о том, кем он является, она потеряет его навсегда. Сестра Мария несколько раз тяжело вздохнула и тихо прошептала:

– Уповаю на Господа! Он покажет истинный путь!

Словно в ответ на эти слова, табор разразился радостными криками:

– Азар! Азар!

Сестра Мария вскочила с места в то мгновение, когда рядом с одним из костров возник силуэт всадника. Это был светловолосый, но смуглый юноша с удивительно красивыми и мужественными чертами лица. Он был облачён в холщёвую одежду: рубашку и штаны. Ворот рубашки был откинут, а у пояса перетянут кожаным ремнём, за которым торчала рукоятка изогнутой сабли. Юноша обладал необычайной ловкостью и проворством. Эти качества отчётливо проявились в тот миг, когда он в буквальном смысле слова...соскользнул с седла и бесшумно коснулся ногами земли. Ещё мгновение и он, достигнув сестры Марии, склонился, прижимаясь губами к её руке.

– Жан! Мой мальчик, – глядя его рукой по голове, с непередаваемой нежностью прошептала сестра Мария.

– Матушка! – Жан выпрямился. Во взгляде направленном на сестру Марию светилась подлинная радость. Эта встреча была похожа на множество других прошедших за эти годы. И также была полна радости для обоих. Двигаясь бок о бок, они пошли вдоль берега, с каждым шагом отдаляясь от табора. Сестра Мария неспроста решила увести Жана подальше от посторонних глаз. Настало время открыть глаза Жану. Однако она не собиралась рассказать всё. Она приняла решение приоткрыть завесу и посмотреть, как поведёт себя Жан. Лишь после

этого она решит, стоит ли рассказывать всё. Ход мыслей сестры Марии был нарушен мягким голосом Жана:

– Как ваше здоровье, матушка?

Заслышав характерную восточную интонацию во французской речи, она широко улыбнулась. Жан никак не мог избавиться от этой привычки, хотя она не раз указывала ему на ошибку. На сей раз, она решила промолчать по поводу его выговора, но спросила о другом:

– Если меня что и беспокоит так только твоя жизнь. До нас донеслись слухи о многочисленных сражениях. Это правда?

– Мы воюем с Византией! – коротко ответил на эти слова Жан. Он мало говорил. И это качество являлось одной из отличительных черт его характера. Он с детства скрывал свои чувства от всех, и сестре Марии эта особенность была известна лучше, чем кому-либо другому.

– И как обстоят дела? – осторожно осведомилась она.

– Византия скоро падёт!

– Жан, они ведь ...наши братья! Ты убиваешь христиан.

– Я слуга султана, матушка! – последовал невыразительный ответ. Жан произнёс эти слова как нечто само собой разумеющееся. Его покорность и холодное равнодушие подтолкнуло сестру Марию к действиям. Она решила начать издали.

– Скажи мне, – медленно заговорила сестра Мария, – что ты помнишь о детстве?

– О детстве? – Жан остановился у кромки воды и, устремив задумчивый взгляд в сторону далёких звёзд, негромко ответил: – А что я должен помнить? Я всегда был рядом с Джавед-агой.

– Прежде чем ты попал к нему, ... скажи, ты помнишь ... Нефизу?

– Нефизу? – Жан устремил на сестру Марию недоумённый взгляд. Ему и не надо было ничего говорить. Всё стало понятно по этому взгляду. Поколебавшись мгновение, сестра Мария решила продолжить разговор. Память о смелой девушке призывала её к откровенности.

– Выслушай меня, Жан, – попросила она таким тоном, что у него появилось удивление на лице. – Нефиза спасла тебе жизнь ценой собственной. Это произошло очень давно. Тогда мы все находились во Франции. Эта отважная девушка сумела защитить тебя от рук убийц. Она умерла на моих глазах. Я поклялась рассказать тебе о её поступке, и сейчас выполняю обет.

– Нефиза! – после длительного молчания выговорил не без труда, Жан. Он всё время морщился, словно пытался вспомнить события далёкой давности. – У меня мелькают смутные воспоминания. Я помню лес. Помню юную девушку ... всю в крови.

– Да, да, – возбужденно подхватила сестра Мария, – это и была Нефиза.

– Но почему меня хотели убить? Кто она мне, если решила спасти ценой своей жизни?

Сестра Мария бросила на Жана глубоко нежный взгляд и только потом, прошептала:

– Очень скоро ты услышишь ответ на этот вопрос. Сейчас я не готова его дать.

– Когда же я его услышу? – тихо спросил у неё, Жан. – Матушка, вы всё время говорите со мной недомолвками. Намекаете на некие обстоятельства. Говорите о том, что меня ждут обязанности во Франции. И многое другое. Но при этом никогда не открываете мне причину этих странных слов. Чего я не знаю? Кто меня может ждать во Франции? О чём вообще идёт речь?

– Я расскажу тебе. Всё расскажу, когда ты приедешь следующий раз. Мне надо хорошо всё обдумать, ибо то, что станет тебе известным, в одно мгновение перевернёт всю нашу жизнь. Наберись терпения и приготовься к великим переменам. Сейчас я могу сказать лишь одно. Ты рождён не безродным...

Услышав последние слова, Жан устремил изумлённый взгляд на женщину, которую он считал своей матерью.

– У меня ... есть имя? – глухим голосом спросил он.

– Гордое имя, мой мальчик!

– Может быть, ...такое же, ... как у Джавед-аги?

– Такие, как он, по своему рождению могли стать лишь ...твоими слугами, мой мальчик!

– Что? – Жан вздрогнул, словно от удара. – Но ты ведь рассказывала, что происходишь из простой семьи. Как же такое возможно, матушка?

– К счастью или несчастью, такова истина, – с грустью ответила сестра Мария. – И если я отдала тебя в мамлюки, то только потому, что такой участи желал для тебя...твой отец!

– Мой отец?

Сестра Мария коснулась ладонью щеки Жана и с той мягкостью, что была ей присуща, промолвила:

– Я услышала твой вопрос. Ты узнаешь ответ. Дай мне лишь немного времени. Клянусь, я расскажу тебе всё. А потом ты сам решишь, как следует поступить дальше.

– Пусть так и будет!

Они проговорили до глубокой ночи, однако в дальнейшем ни один, ни другая более не касались этой темы. Далеко за полночь, Жан тепло распрощался с ней и направился в город, в расположение своего отряда. Эта ночь стала особенной для Жана. Пусть и не совсем ясно, но он получил ответы на вопросы, которые его мучили давно. Однако ожидаемого успокоения этот разговор не принёс. Скорее наоборот. Он ещё более растревожил душу Жана. Раз за разом он задавал себе один и тот же вопрос: «Кто же он?». Предположения по поводу ответа на этот вопрос звучали по-разному, но Жан даже не представлял, насколько далеки они от истины. Погружённый в размышления, он так и не заметил, как достиг города. Здесь все улицы были похожи друг на друга...узкие и извилистые. Миновав несколько совершенно пустынных улочек, он достиг маленькой площади, окружённой каменными строениями. Жан остановил коня возле источника и спешился, для того чтобы напиться. Вода струилась с каменной глыбы и ниспадала в полукруглый бассейн. Верхние края стенки бассейна пестрели многочисленными оскоминами. Сквозь некоторые из них сочилась вода. Свет луны позволял видеть тонкие струйки воды бегущие по земле. Недолго думая, Жан залез в бассейн и, приложив ладони к ниспадающей воде, стал жадно пить. Неожиданно заржала лошадь. Он мгновенно напрягся, так как понял, что конь почувствовал опасность. Кто-то находился рядом с ним. Он вытер губы рукавом рубашки...и в это мгновение почувствовал опасность. Сделав полуоборот, он резко прижался спиной к камням и, выхватив саблю, отразил удар кинжала направленный в спину. Следующее движение оставило кровавую полосу на лице нападавшего. Раздался дикий вопль. А вслед за ним прозвучал шипящий голос:

– Убейте проклятого Д,Арманьяка!

Несколько человек в чёрных плащах появились из темноты и быстро приближались к Жану. Бросив мимолётный взгляд на поверженного соперника, он одним движением выбросил тело из бассейна. Однако дальше идти не стал. Жан зорким взглядом следил за приближением убийц. То, что целью этих людей являлся он, не вызывало сомнений. И всё же...

– Что вам надо? – громко спросил он у этих людей.

– Твою жизнь! – раздался зловещий ответ.

Для него эти слова стали последними. Жан неожиданно для всех метнулся вперёд и, нанеся несколько быстрых ударов, ловко отпрыгнул назад. Затем он во всю прыть устремился к каменной ограде. Преследователи побежали за ним следом. Достигнув стены, Жан мигом взобрался на неё. Ширина позволяла двигаться по ней, что он и сделал. Пока он бежал по ограде, убийцы мчались за ним следом вдоль стены. Один из них метнул на ходу кинжал в сторону Жана. Кинжал, оцарапав ему руку, полетел дальше. Жан остановился. А в следующее мгновение, спрыгнув со стены, ринулся на своих преследователей. Те явно не ожидали таких действий и уж совсем не ожидали такого мощного натиска. Первые же мгновения атаки оставили на земле два мёртвых тела. Его попытались окружить. Но он постоянно уворачивался,

при этом успевая наносить удары. Сражение переместилось в сторону лошади Жана. Он тут же воспользовался этим обстоятельством. Нанося удары он прикрывался ею как щитом или прижимался спиной, лишая нападавших возможности нанесения предательского удара. Он бился с холодным упорством, выказывая такие потрясающие способности, что убийцы не выдержали и... дрогнули. Очередная выходка Жана привела их в полнейшее смятение. Скользнув под брюхом лошади, он выскочил с другой стороны и мгновенно уложил ещё двоих, да так, что они даже охнуть не успели. Оставшиеся люди в чёрных плащах со шпагами наперевес начали отступать назад.

– Вы же желали получить мою жизнь? Так в чём же дело? – насмешливо спросил он у своих врагов. Эти слова дали ему необходимую передышку и усилили панику в рядах убийц. Как раз в это мгновение раздался громкий цокот копыт. Заслышав его, убийцы мгновенно растворились в темноте. Едва они исчезли, как из-за угла появился Джавед – ага в сопровождение десятка всадников. Он сразу же подъехал к Жану и спросил, что случилось.

– Незнакомые люди напали на меня! – спокойно ответил Жан.

– Кто такие?

Жан пожал плечами.

– Говорили на французском, и назвали меня странным именем. Скорее всего, перепутали с другим человеком.

– Бедняги! – Джавед – ага расхохотался. – Надо же было тебя выбрать. Не повезло несчастным.

– Здесь не меньше десяти мёртвых тел! – подал голос один из сопровождавших его мамлюков.

– Постарайся узнать кто такие, – приказал было Джавед-ага, но тут же передумав, добавил: – Хотя чего искать? Их и так Аллах наказал. Уберите их подальше от глаз.

Часом позже после этих событий они уже въезжали в расположение лагеря. Устраиваясь на земле рядом с костром, Жан подумал о словах одного из убийц и неслышно прошептал:

– «Проклятый Д,Арманьяк»! Почему он сказал эти странные слова?

Мысли Жана оборвались. Сон накатывал волнами. Следовало хорошенько выспаться. Впереди его ждали новые сражения.

Глава 13

Франция. Гасконь лето 1443 года

Солнце совсем скрылось из виду. Небо окрасилось в серый цвет с множеством мрачных узоров. Грозовые тучи непрерывным потоком неслись вперёд, опускаясь к земле всё ниже и ниже. Где-то очень высоко раздался грохот. За ним последовал второй, гораздо мощнее. Сразу же после этого в воздухе сверкнула молния. Не успела она исчезнуть, как вновь раздалась раскаты грома. Казалось, погода решила сыграть злую шутку с одиноким всадником, мчавшимся в это утро по дорогам графства Фацензак.

Это был мужчина лет пятидесяти с невыразительными чертами лица и обладающий иронической улыбкой, которая и сейчас не сходила с его уст. Всадник имел при себе много оружия. Он был облачён в шляпу с двумя перьями и просторный плащ, края которого лежали на крупе лошади. Всадник временами поднимал голову кверху, затем устремлял пристальный взгляд вперёд. По всей видимости, он искал убежища, дабы скрыться от непогоды. А она тем временем совершенно разбушевалась. Раскаты грома чередовались с вспышками молниями. К тому же поднялся ветер и стал накрапывать дождь. Всадник остановил лошадь и, взглядываясь в бегущую впереди дорогу, вполголоса пробормотал:

– Эта погодка кого хочешь напугает...клянусь памятью покойной королевы.

Всадник простоял некоторое время, размышляя над тем, стоит ли продолжать путь? Дождь усиливался и вскоре мог стать серьёзным препятствием на пути. Да и он мог вымокнуть до нитки. Не очень приятная перспектива. Неизвестно, какое бы принял решение всадник, если б не увидел человека в крестьянской одежде. Пытаясь укрыться от дождя, крестьянин едва ли не бегом двигался в десяти шагах справа от всадника в сторону полуразвалившегося сарая. Спешка, однако, не помешала ему остановиться, когда прозвучал громкий голос всадника:

– Любезный, не подскажешь, какое расстояние осталось проехать до замка Фацензак?

– Его светлость доберётся за половину часа! – ответил крестьянин. Увидев кивок всадника, он поспешил продолжить прерванный путь. А тот, тем временем снова пробормотал:

– Чёрт, я ведь уже на месте и вскоре смогу насладиться той самой уютной комнаткой в западном крыле. Благо она совсем близко от винного погреба. Едем! К чёрту дождь!

Всадник прищипорил лошадь. Она пошла крупной рысью. Дождь тем временем усиливался и вскоре превратился в настоящий ливень. Кроме прочих неприятностей, дождь размывал дорогу, что резко задерживало продвижение вперёд. Копыта лошади временами скользили по мокрой земле. В виду вышеописанных причин, совершенно вымокшему всаднику лишь через час удалось добраться до поросшего травой холма, с которого открывался великолепный вид на замок. Высокая крепостная стена образовывала ровный квадрат. Наружные стены были обнесены рвом, наполненным водой. Через ров были переброшены два моста. У Северной и Западной стороны. С Северной стороны мост был проложен в самом центре и упирался в массивные ворота. Это был широкий мост, служивший для въезда лошадей и повозок. А с Западной, мост гораздо меньшего размера был сооружён в правом углу крепостной стены и упирался в железную дверь. И, следовательно, внутрь замка имели возможность проникнуть лишь пешие. Несколько остроконечных башен, сооружённых на каждой из стен, придавали ему грозный облик. К южной стене снаружи примыкала ещё одна стена, гораздо меньшего размера. Внутри второй стены находился сад. Даже с холма были заметны ровные ряды деревьев. Ни в самом замке, ни вокруг него...людей не оказалось. По всей видимости, все они предусмотрительно укрылись от дождя. Продолжая созерцать величественный замок, всадник пустил лошадь в сторону моста у Северной стены. Спустившись с холма, он оказался в долине и вскоре достиг стен замка. Остановившись перед воротами, всадник бросил мимолётный взгляд

на белые кресты, выбитые в каждом из четырёх углов и...большую букву «А» в центре ворот. Буква была покрыта золотой эмалью. Всадник вытащил из ножен шпагу и, пустив в ход рукоятку, изо всех сил застучал по воротам. Всаднику пришлось ждать совсем недолго. Вскоре одна створка ворот отворилась. Он без промедления въехал внутрь. Все четыре стражника охраняющие ворота, поклонились ему. Затем один из них попросил его знаком следовать за собой. Что, несомненно, говорило сразу о двух вещах. Во-первых, его знали. И, во-вторых,... его ждали. Всадник не замедлил последовать совету. Он шагом двинулся вслед за стражником. Они пересекли довольно внушительный двор замка и, миновав, один за другим три небольших строения с остроконечными крышами, подошли к южной стене. Чуть позже, стражник подвёл его к железной калитке, ведущей в сад. Здесь всаднику пришлось оставить лошадь и идти пешком. Вслед за своим провожатым он вошёл через калитку в сад.

Не обращая внимания на дождь, оба направились в сторону маленькой полукруглой часовни с массивным крестом на крыше. Как и у многих подобных сооружений, здесь отсутствовали окна. Вместо них были сооружены ниши. В нишах стояли скульптуры. Стражник проводил гостя до двери, и ещё раз поклонившись, оставил его и пошёл обратно. Мужчина без промедления взялся за ручку двери. Раздался лёгкий скрип. А вслед за ним дверь отворилась, открывая взору обстановку часовни. В глаза вошедшего сразу бросились четыре подсвечника с горящими свечами. По две с каждой стороны. Слева и справа от входа. Возле каменных стен. Все три стены были сооружены из камня. И лишь одна, напротив входа, была сооружена из мрамора. На расстояние не более одного метра от пола часовни, в мраморной стене...были сооружены две квадратные ниши. В каждой из этих ниш лежали...саркофаги. Невольно бросались в глаза надписи поверх каждой из ниш. Над первой слева... «Филипп». Над второй... «Мирианда». Перед нишами...стояла коленопреклонённая женщина в чёрном платье и с чёрной накидкой. Чуть позади неё стояла миловидная девушка лет двадцати – двадцати пяти в бледно-голубом платье. Девушка обладала очаровательными карими глазами и мягким взглядом. Длинные русые волосы были аккуратно уложены на груди. Увидев вошедшего, девушка протянула руки и издала радостный шёпот:

– Вы...это вы сударь!

Мужчина вначале преклонил колени и перекрестился. А уж потом подошёл к девушке и обласканный её нежным взглядом приложился губами к нежной коже. При этом он с отеческой нежностью прошептал:

– Сударыня...Анна!

– Я так рада вас видеть...Таньги! – прошептала девушка. И тут, словно устыдившись собственной откровенности, она опустила глаза и залилась румянцем. Мужчина, а это был действительно Таньги дю Шастель, доверенное лицо короля Франции...не успел ответить. Женщина, облачённая в чёрное платье,...встала, и обратила к нему бледное, изнеможённое лицо.

– Миледи! – Таньги почтительно приложился к руке...графини Д,Арманьяк.

– Я рада вашему приезду, мой друг! – негромко произнесла графиня Д,Арманьяк. – Ваше письмо непомерно обрадовало меня, ибо я надеялась услышать добрые вести. Однако, глядя на вас, мне начинает казаться, что я ошибалась.

Таньги действительно выглядел несколько мрачноватым. Отчего даже седина на висках казалась чёрного цвета. Он не сразу ответил графине. Видимо, ему самому не нравилось то, что приходилось ей говорить.

– Я должен сообщить очень неприятную новость, – негромко заговорил Таньги. При этом он бросил мимолётный взгляд на молодую девушку. – Его Величество король Франции заключил мир с герцогом Бургундским. Он извещает вас о том, что отныне любое действие, предпринятое против Бургундии, будет расценено как вызов самому королю. – Таньги замолчал. Но чуть позже, подняв открытый взгляд на графиню, так же негромко продолжил: – От себя лично хочу добавить несколько слов. Вам ли не знать, миледи, с каким уважением я отношусь к

вам и вашей прекрасной дочери. Я не меньше вас желал воздать герцогу Бургундскому заслуженную кару. Однако сейчас такая затея стала не только невозможной, но и крайне опасной. Король никому не позволит разрушить этот союз. Я умоляю вас отказаться от мести. Помните, миледи, ведь это ваш родной брат.

– Отказаться? – взор графини Д'Арманьяк вспыхнул мрачным огнём. В голосе прозвучала отчётливая ненависть. – Я могла бы простить брата. Я могла бы простить убийцу моего супруга и...сына. Но как я могу простить чудовище...как? Филипп умер считая, что именно я его предала, – вскричала графиня, сверкая глазами. – Я двадцать пять лет живу с одной мыслью...воздать должное мерзкому существу, ввергнутому нас всех в ад. Я жива лишь потому, что он ещё не умер.

– Миледи, король...

– Король? – перебивая Танги, гневно вскричала графиня Д'Арманьяк. – Не говорите мне о короле. Это тот самый человек, ради которого мой супруг готов был пожертвовать всем. Включая и свою жизнь. И сейчас этот человек предал память лучшего из своих друзей, протянув руку убийце. Но я его супруга...не предаю его память. Убийцы будут наказаны. Все до единого. Лишь тогда я смогу с лёгким сердцем предстать перед моим супругом.

Кивнув Танги с непреклонным видом, графиня подняла полы платъе и быстро направилась к двери.

– Матушка, – попыталась, было, остановить её Анна, но...графиня даже не обернулась на голос дочери. Она вышла, оставив их наедине. Оба одновременно посмотрели друг на друга. Лицо Танги выражало озабоченность. Анна же выглядела виновато. Подстать лицу прозвучал и голос.

– Простите матушку...Танги. Она не может забыть тот чёрный день, когда был убит отец. Мне кажется, она никогда не успокоится. Порой её вспышки гнева даже меня пугают. Она становится одержимой и строит всяческие планы мести.

– Вам этой боли не понять, Анна, – прошептал Танги. – Даже сегодня, спустя двадцать пять лет, я помню тот чёрный день в мельчайших подробностях, ибо он стал худшим и в моей жизни. Ложь, предательство, лицемерие...смерть...в одночасье обрушились на нас, превратив все последующие дни в сплошной комок боли и страданий. Я любил вашего отца, Анна. Любил и восхищался. Я любил своих добрых друзей. Почти все они, за исключением Гийома, покоятся рядом с Филиппом. Я же остался один. Совсем один. Признаюсь вам, Анна...порой я даже завидую им и думаю о часе, когда, наконец, смогу предстать перед ними...обнять их.

– Вам тяжело...я вижу, – Анна с той непосредственной участливостью, что отличает в людях лучшие качества,...взяла руку Танги. Он судорожно вздохнул и обласкал её отеческим взглядом.

– Анна...я всегда вас любил как собственное дитя. Мысли о вас согревали моё сердце все эти годы. Я делал и сделаю всё, лишь бы видеть вас счастливой...

– Господь отнял у меня одного отца, но дал взамен другого, – прошептала Анна, подставляя Танги свой лоб. Он с невыразимой нежностью коснулся губами её лба. Затем, отстранившись, некоторое время обласкивал её мягким взглядом. На что Анна отвечала радостной улыбкой.

– Пойдёмте, дитя моё. Мне необходимо ещё многое рассказать вашей матушке! – Танги предложил ей руку, и они вместе вышли из часовни. Дождь всё ещё лил. Анну спасала накидка. Его же плащ не мог защитить от дождя. В результате, Танги окончательно вымок. Несмотря на его возражения, Анна заставила его отправиться в комнату, которую она всегда приберегала для него,...и переодеться в сухую одежду. Все эти действие заняли не более одного часа. По прошествии этого времени, Танги вместе с Анной отправились в покои графини Д'Арманьяк. Они застали её стоящей у окна. Графиня смотрела на дождь. Она смотрела на лужи во дворе...

на одинокие фигуры людей во дворе, которые поспешно перепрыгивали через эти лужи. Она не обернулась даже тогда, когда раздался голос Таньги.

– Миледи, есть кое какие новости. Они касаются ордена...

Графиня заметно вздрогнула, услышав эти слова.

– Мне удалось выйти на след одного человека. Не буду называть его имени, однако скажу другое. Этот человек занимает высокое положение в ордене и, по всей видимости, состоит в доверительных отношениях с его главой. Я буду следить за ним неустанно. На сей раз я не совершу ошибки. Прежде чем призвать их к ответу, я должен узнать все тайны этих мерзких чудовищ.

– А что... Монтегю? – не оборачиваясь, спросила графиня.

– Монтегю? – лицо Таньги потемнело от гнева, – этот Иуда состоит в свите герцога Бургундского. Я видел его.....однажды.

– И ты его не убил?

– Я не мог, миледи. И тому имелась серьёзная причина. К тому же есть приказ короля. В отношении герцога Бургундского и его окружения. Король разговаривал со мной лично. Поверьте, намерения короля более чем серьёзны. Я прекрасно изучил его характер. Кроме того, король никому не позволит разрушить мир с герцогом Бургундским. В особенности сейчас, когда нам удалось овладеть Парижем и отбросить англичан назад. Война длится уже сто лет. И король полон решимости завершить её как можно скорее. Миледи, король руководствуется интересами Франции. Мы все должны понимать насколько пагубным может оказаться противодействие этим планам.

Графиня Д'Арманьяк повернулась к Таньги лицом. Непокорный взгляд хлестнул по Таньги, словно острие кинжала.

– Иными словами, мой дорогой друг...вы советуете простить всех, кто был причастен к смерти моего супруга. Я правильно вас поняла?

– Я советую дождаться подходящего часа, – поправил её Таньги.

– Я сама буду решать, как мне следует поступить, – холодно ответила графиня.

– Король, – начал было Таньги, но графиня резко перебила его...

– Лишь одного судью я признаю...господа Бога!

– И всё же подумайте над моими словами, миледи, – посоветовал Таньги, – а утром, перед отъездом, мы снова побеседуем.

Графиня молча кивнула. Таньги поклонился и, не говоря больше ни слова, покинул комнату. Едва он ушёл, Анна приблизилась к графине. Весь её облик одновременно выражал и просьбу и вопрос. Всё это вылилось в одном единственном слове:

– Матушка...

– Дитя моё, – с нежностью прошептала графиня, прижимая дочь к своей груди, – не проси меня о невозможном. Все эти долгие годы я мечтала воздать заслуженное наказание убийцам твоего отца. Знаешь ли ты, Анна, что мы с твоим отцом любили друг друга лишь одну ночь. Всего одну ночь. Ты дитя этой ночи, Анна. Десятки раз я готова была осуществить месть, но мысль о тебе останавливала меня. Сейчас же ты достаточно взрослая и вполне способна справиться со всем без меня. Да и Таньги любит тебя как родной отец. Он будет рядом с тобой.

– Вы меня пугаете, матушка, – Анна отстранилась от матери и бросив на неё умоляющий взгляд прошептала: – Вам не справиться со всеми этими людьми. Они слишком могущественны. Вы лишь погубите себя. Прошу вас матушка...откажитесь...

– Ты знаешь, что я не могу выполнить эту просьбу.

– Матушка...

– Дитя моё, я более не собираюсь продолжать этот разговор. Спокойной ночи!

Графиня поцеловала свою дочь и снова повернулась к окну лицом. Анне ничего не оставалось, как пожелать матери спокойной ночи и выйти из её покоев. С глубоко печальным видом

она отправилась в свою комнату. Анна надеялась, ... очень надеялась, ... что Танги сумеет переубедить её.

Глава 14

Продолжение

Те же мысли одолевали Анну следующим утром, когда она вышла прогуляться в сад. На ней была меховая накидка, которая защищала от холода и ветра. Благо дождь перестал идти, иначе бы пришлось отказаться от прогулки по саду. Но тучи всё так же грозно нависали над землёй, готовые обрушиться вниз в любую минуту. Анна выглядела подавленно. Её беспокоила мысль о матери. Она искала способ, который бы позволил переубедить её, остановить. Подобная одержимость, так или иначе, могла привести к трагедии. Она отчётливо осознавала это. Но как найти нужные слова? Как переубедить её? Ведь матушка ничего не желала слушать. Она прогуливалась по аллее тянувшейся вдоль стены и думала, ... искала выход. Неожиданно у Анна вырвался испуганный возглас. С наружной стороны нечто перевалилось через стену и упало в сад. Вслед за этим действием до Анны донёсся мужской голос, в котором слышалось искренне раскаяние.

– Простите... ради Бога, сударыня... я не хотел вас напугать!

Голос Анна слышала, но не видела человека, которому он принадлежал. Она даже поднялась на носки, пытаясь разглядеть смутные очертания позади кустов. На лице у неё застыл испуг. Только она подумала о бегстве, как увидела молодого человека в светлом камзоле. Камзол был изрядно выпачкан. Правая рука молодого человека лежала на рукоятке шпаги. Выйдя из-за кустов, он низко поклонился Анне. Он оставался в таком положении до той поры, пока Анна не заговорила с ним. Испуг постепенно проходил, уступая место любопытству. Она осознала, что ей нечего опасаться. Она негромко и с некоторой настороженностью обратилась к нему.

– Кто вы, сударь? И почему оказались в нашем саду таким... странным способом?

Молодой человек вначале выпрямился, затем приблизился и отвесил ещё один поклон.

– Виконт де Монтескью! Мой покойный батюшка служил под началом отважного графа Д'Арманьяка, вашего отца.

– Вы меня знаете? – Анна не могла скрыть удивление, глядя на привлекательное и открытое лицо молодого человека.

– Я видел вас два раза, сударыня! В прошлом году!

– Странно, что я вам запомнилась. Ведь прошло много времени!

– Вас невозможно забыть, сударыня! – прошептал виконт де Монтескью. Сделав ещё несколько шагов, он опустился перед Анной на колени.

– Что вы делаете, сударь? – вырвалось у Анны. Она сделала шаг назад, но... остановилась очарованная звуком голоса виконта, а ещё больше одухотворённым взглядом, в котором читались страдания и решимость.

– Выслушайте меня, сударыня... умоляю вас. Выслушайте, прежде чем изгоните от себя. Всё это время я только и думал что о вас. Я мечтал увидеть вас, как вижу сейчас. Мечтал поговорить с вами, как разговариваю сейчас. А более всего я мечтал упасть к вашим ногам и признаться в своих чувствах. Я люблю вас. Я полюбил вас, как только впервые увидел. Прошу вас, позвольте мне договорить, – умоляющим голосом произнёс виконт де Монтескью, увидев, что Анна собирается его прервать. Голос виконта и на сей раз её остановил. А он тем временем со всей откровенностью продолжал: – Я полюбил вас, сударыня. Поверьте, я даже в мечтах не позволял себе надеяться на взаимное чувство. Кому как не мне, знать разницу между мной, бедным дворянином, и вами, по своему положению равной принцессам крови. Я всего лишь один из сотни ваших вассалов. И я здесь вовсе не для того, чтобы добиться вашей любви. Я здесь для того, чтобы сказать о своих чувствах. Я здесь для того, чтобы положить свою жизнь

к вашим ногам. Можете распоряжаться ею сударыня. Пошлите меня на смерть и я, не колеблясь, приму свою участь. Позвольте мне служить вам и тогда вы не найдёте человека более преданного, чем я. Ни словом, ни поступком, никогда больше я не напомню о своей любви. Я буду счастлив лишь находясь рядом с вами. В ваших руках моя судьба, сударыня. Поступайте так, как сочтёте правильным.

Виконт де Монтеस्कью поднялся с колен и устремил открытый взгляд на Анну. Она же чувствовала себя совершенно растерянной. Она не знала, что сказать и стоит ли вообще говорить. Ей следовало незамедлительно выпроводить его, при этом отчитав со всей строгостью. Однако она чувствовала, что не сможет отнестись к нему с такой жестокостью. В эти несколько мгновений виконту удалось всколыхнуть в ней целую бурю чувств. Она снова и снова порывалась заговорить с ним, но каждый раз останавливалась. Это были не те слова, которые она хотела бы сказать. В виду всех этих мучительных размышлений, она совершенно запуталась. Глядя на виконта, она то и дело краснела. Затем неожиданно вновь покрывалась бледностью, вслед за которой на щеках снова появлялся румянец. Неизвестно, чем бы всё закончилось, если б позади Анны не раздался голос Таньги:

– Полагаю, я появился своевременно. Кто этот человек... Анна?

Виконт де Монтеस्कью бросил откровенно дерзкий взгляд на Таньги. Заметив этот взгляд, Таньги нахмурился. В этот миг Анна повернулась к нему лицом, и Таньги осознал, что не всё так просто как ему показалось вначале. Анна, вне всякого сомнения, выглядела смущённой. Это говорило о многом. Раздался голос виконта де Монтеस्कью.

– Этот человек, как вы изволили выразиться, явился выразить своё почтение. Почтение, которое никоим образом вас не касается.

Таньги обошёл Анну и направился напрямиком к виконту. Он остановился в двух шагах от него и в упор спросил:

– Следовательно, именно почтительность заставила вас явиться в этот сад подобному...вору?

– Сударь, – виконт побледнел, услышав слова Таньги, – вы оскорбили меня...

– Разве? Мне казалось, что я всего лишь обозначил истину. Или я ошибаюсь?

– Нет, – виконт гордо вскинул голову и продолжил: – Что никоим образом не извиняет ваши слова.

– Объяснитесь, сударь, – потребовал Таньги.

– Думаю, сударь, вы прекрасно понимаете, что именно я имею в виду! – последовал ответ виконта.

Анна была в ужасе от происходящего. На её глазах разгоралась ссора, которая могла закончиться дуэлью. Она снова побледнела. Но на этот раз – когда увидела, что оба положили руки на рукоятку шпаги. Она прекрасно знала, чем может закончиться для виконта дуэль с Таньги. Мысль о смерти виконта болезненно отозвалась у неё в душе. Она не могла допустить этого. Не могла. Набравшись решимости, она подошла к ним и сразу же обратилась к виконту де Монтеस्कью. Несмотря на все старания, она не смогла унять дрожь в голосе.

– Сударь, прежде чем вы продолжите беседу, должна представить моего названного отца.

– Названного отца? – прошептал, потрясённый услышанным, виконт де Монтеस्कью. Он бросил один виноватый взгляд на Анну и второй на Таньги. Тот даже ухом не повёл.

– Да, сударь. Таньги дю Шастель мой названный отец.

– Таньги дю Шастель? – изумлённо вскричал виконт де Монтеस्कью. – Уж не тот ли это человек, который находился рядом с графом и которого граф почитал как дорогого друга?

– Да, сударь. Это я, – ответил несколько удивлённый этими словами Таньги.

– В таком случае, мне лишь остаётся склонить голову и попросить у вас прощения за свои слова. Вы, сударь, один из немногих людей, которых я глубоко уважаю. Ваши поступки

достойны восхищения. Я знаю о вас почти всё. Я, как и мой уважаемый отец, принадлежим к дому Д'Арманьяков. И целиком в вашем распоряжении.

Танги краем глаза заметил умоляющий взгляд, который Анна бросила в его сторону. Кроме всего прочего, виконт своей прямолинейностью вызывал у него тёплые чувства. Танги редко ошибался в людях. Стоявший перед ним человек, вне всякого сомнения, имел честные намерения. Да к тому же был не из робкого десятка. А ведь ему может понадобиться помощь. Почему бы и нет? – думал Танги, поглядывая на него.

– Знаете что, сударь, – после короткого раздумья предложил Танги, – мы могли бы продолжить этот разговор за завтраком. Что скажете?

– Вы приглашаете меня? – виконт с недоверием посмотрел на Танги, а потом перевёл взгляд на Анну. Было очевидно, что ей пришлось по душе слова Танги.

– А на что это ещё похоже? – удивлённо спросил Танги. – Приглашаю. И не только на завтрак. Думаю, вы могли бы поехать со мной в Париж. Кстати, как вас зовут?

– Виконт де Монтеस्कью... Париж?

– Именно. Париж. Если вы готовы служить Франции, нам с вами по пути!

– Готов? Да я мечтал об этом всю свою жизнь, – вскричал виконт, но тут же осёкся и неуверенно закончил: – Если миледи Анна не будет возражать, я пожалуй смогу составить вам компанию.

Танги расхохотался, услышав эти слова. Анна же в очередной раз покраснела. На этом разговор прервался. Немногим позже за завтраком разговор продолжился. Обедали втроём. Графини не было. Все трое долго обсуждали поездку в Париж и, наконец, пришли к выводу, что предложение Танги весьма своевременно. Кроме всего прочего, виконт де Монтеस्कью мог упрочить своё положение. Эта мысль, высказанная Танги, по странной причине заставила опустить глаза... Анну. Едва она сумела оправиться, как сразу пообещала оказать посильную помощь. Под этим предложением подразумевалась... лошадь. Виконт не мог идти в Париж пешком. Ещё немного поговорив о всяких нужных мелочах, Танги оставил их и отправился в покои графини Д'Арманьяк. Она уже ждала его.

– Миледи! – Танги поклонился. – Вы подумали о нашем разговоре?

– Моё решение остаётся неизменным, – последовал короткий, но жёсткий ответ.

– Луиза... ради всего святого, одумайтесь, – как мог мягко произнёс Танги, – вы ничего не добьётесь своим упрямством. А вот жизнь свою серьёзно осложните. Поверьте, король не потерпит неповиновения. И даже я не смогу вам помочь. Вы выбрали путь в неизвестность с плохим концом.

– Чтобы вы не сказали, моё мнение не изменится, – графиня, упрямо тряхнув головой, бросила на Танги непокорный взгляд и только затем продолжила: – Герцог Бургундский будет наказан!

– Дайте, по крайней мере, несколько месяцев, – попросил Танги, – если за это время мне не удастся решить этот вопрос, вы сможете поступать так, как сами посчитаете нужным.

– Я не могу ничего обещать!

– Что ж, – Танги был расстроен разговором. Это было заметно по выражению его лица. – Я сделал всё, что мог. Остальное не в моей власти. Только прошу вас, ... будьте благоразумной. Не совершайте опрометчивых поступков. Вы уже трижды пытались его убить. Каждая такая попытка заканчивалась скандалом. Имей место ещё одна подобная попытка, королю ничего не останется, как принять в отношении вас самые жёсткие меры.

– Благодарю вас. Я всё прекрасно поняла! – холодно ответила графиня.

Танги ничего не оставалось, как откланяться. Он оставил графиню и вышел. В то время как Танги спускался по лестнице, собираясь выйти во двор замка, виконт де Монтеस्कью едва слышно спросил у Анны, может ли он написать ей письмо. Он не сумел сдержать радостного восклицания, увидев, как Анна наклонила голову в знак согласия.

– Благодарю вас, сударыня, благодарю, – виконт с пылом достойным слов и поступков того дворянина коим он себя считал, прижался губами к её руке и отвесив низкий поклон, удалился довольный и встречей и благосклонностью Анны. Анна же после его ухода скрестила руки на своей груди и мечтательно улыбнулась. Этот день стал одним из самых лучших в её жизни. И уже потом, находясь на стенах замка и, провожая взглядом, силуэты двух всадников, она подумала о том, что пожелала бы вновь увидеть виконта, но ни за что бы не призналась в этом никому, даже самой себе.

Двумя днями позже, когда она крепко спала, к ней в комнату вошла мать. Графиня нежно поцеловала дочь и, положив рядом с ней письмо, удалилась. Часом позже она покинула замок в сопровождение двух вооружённых всадников. Вслед за Танги она поскакала в сторону Парижа. Ей сообщили, что именно туда должен прибыть герцог Бургундский.

Глава 15

Портсмут

Почти в то же самое время, когда графиня Д'Арманьяк покидала замок, ... английскую гавань покидали несколько десятков военных кораблей. Впереди, под ночным звёздным небом, шёл сорокапушечный фрегат. Фрегат шёл очень медленно, дожидаясь момента пока все корабли выстроятся позади него в одну стройную линию. Часть парусов была спущена. Постепенно, на расстояние двух кабельтовых, позади фрегата, один за другим в ряд выстраивались корабли. У причала оставалась лишь одна двухмачтовая галера. На носу галеры был сооружён мощный таран. Но и она двинулась в море, как только на борт взойшёл пожилой мужчина в строгом камзоле и треуголкой на голове. Это был лорд Ленгстон. Он занял место погибшего капитана судна и впервые повёл галеру в бой. Первым делом он проследил за выходом галеры в открытое море. Убедившись, что всё идет, как и должно, он отправился устраиваться в капитанскую каюту. Чуть позже он снова появился на корме. Проследив работу рулевого, он отдал несколько команд, и лишь потом переключил своё внимание на гребцов. Не менее ста пятидесяти человек двумя рядами сидели прикованные к вёслам и ждали лишь команды, чтобы пустить их в ход. Короткий осмотр вызвал удовлетворение капитана. Лорд Ленгстон сделал несколько шагов и, опёршись о борт, стал следить за волнами, расходящимися по мере движения галеры. Впереди различались очертания остальных кораблей эскадры. Всё шло отлично. Всё шло как того и следовало ожидать. Настало время познакомиться с личным составом корабля. Его помощник, Генри Ашер, по очереди представил ему всех офицеров. После короткого осмотра, Ашер показал капитану весь корабль, включая трюм и запасы продуктов. Везде царил абсолютный порядок. Капитан остался доволен осмотром. О чём не преминул сказать своему помощнику. Тот заулыбался, услышав похвалу. Они бок о бок направились в сторону бака. Там они пробыли совсем немного. Пока они разговаривали, раздался громкий крик:

– Ветер переменялся. Идём правым галсом!

– Выдерживать курс! – громко скомандовал капитан. Наблюдая за работой команды матросов, он то и дело удовлетворённо хмыкал. Эти ребята знали своё дело. Он убедился в этом. Галера снова пошла вслед за эскадрой. «Всего лишь лёгкая разминка для матросов», – подумал лорд Ленгстон. Поговорив некоторое время с помощником, он выразил желание осмотреть гребцов. Прежде всего, капитан должен знать все возможности судна и на что, а так же на кого, он вообще может рассчитывать. Ашер услышав эти слова, незамедлительно повёл капитана к проходу, который отделял гребцов. Лорд Ленгстон тщательно осматривал каждого гребца, делая при этом замечания своему помощнику. Некоторые из гребцов вызывали у него симпатию. Другие разочарование. А иные и вовсе вызывали раздражение. Свои чувства капитан не скрывал. Так что каждый из гребцов мог слышать его слова. Почти все гребцы при виде капитана отводили глаза, стараясь не смотреть на него. Они боялись вызвать его гнев. Лорд Ленгстон понимал это поведение. Себя он считал справедливым человеком. И без особой нужды не стал бы наказывать гребцов. Неожиданно лорд Ленгстон остановился посередине прохода. Его внимание привлёк один из гребцов. Первое, что бросилось ему в глаза – это отсутствие цепей. Гребец не был прикован к веслу как остальные. Гребец обладал могучим сложением. При каждом движении на его теле и руках играли мускулы. Длинные, спутанные седые волосы, закрывая лицо, спускались к самому поясу. Лорд Ленгстон разглядывал гребца несколько минут, потом подозвал к себе Ашера и с откровенным недоумением спросил:

– Почему на нём нет кандалов?

– Предыдущий капитан снял их в знак особого расположения! – с готовностью ответил Ашер.

– И что такого удивительного совершил этот человек? – глядя на гребца, поинтересовался лорд Ленгстон. Тот и вида не подавал, что слышит этот разговор.

– Ваша светлость, многие из гребцов и двух лет не выдерживают за веслом. А этот на галере... вот уже двадцать пять лет.

– Верно, я ослышался, Ашер? Вы сказали двадцать пять лет? – лорд Ленгстон с откровенным недоверием посмотрел на своего помощника.

– Именно так, ваша светлость. Здесь нет никакой ошибки. Именно столько времени провёл этот человек за веслом, – подтвердил Ашер.

Услышав этот ответ, лорд Ленгстон с откровенным восхищением посмотрел на гребца. За всю его многолетнюю службу, он даже не слышал о человеке, который смог продержаться на галере более десяти лет. А этот... двадцать пять.

– Как его зовут? Имя у него есть?

– Неизвестно, ваша светлость!

– У тебя есть имя? Как тебя зовут? – на сей раз, лорд Ленгстон обратился напрямую к гребцу. Но тот даже не шелохнулся. Он вёл себя так, словно капитан обращался не к нему, а к другому человеку. Лорд Ленгстон повернулся лицом к помощнику и снова спросил.

– Он что... глухой?

– Неизвестно, ваша светлость, – ответил Ашер, – за все эти годы никто не слышал от него ни единого слова. Он всегда молчит.

– Странно, – пробормотал лорд Ленгстон, – как же он тогда гребёт? Ведь он должен слышать команды...

– Не знаю, ваша светлость! Могу сказать лишь одно. Гребёт он лучше всех. Сил в нём много. Я уже четыре года на этой галере и ни разу не видел, чтобы он сбился с ритма.

– Странно, очень странно, – повторил лорд Ленгстон. Он продолжил осмотр, хотя всё время оборачивался назад и бросал взгляд на этого, без преувеличения сказать, удивительного гребца. Закончив осмотр, капитан громким голосом обратился к команде:

– Наша эскадра идёт в Средиземное море. А оттуда мы пойдём на Дарданеллы. Будьте готовы все. Мы идём воевать с турками.

Глава 16

– Янычары! Янычары!

Душераздирающие вопли разносились по всей опушке, по всему берегу реки. Воздух разрезал свист и улюлюканье, смешанный с ржанием коней. Десятки цыган выскакивали из кибиток и разбегались в разные стороны. Женщины побросали бельё и, приподняв полы платья, со всех ног устремились за остальными в сторону леса. Предвидя такие действия, группа турецких янычаров отрезала путь к отступлению. Цыгане заматались вокруг горевших костров и повозок, пытаясь найти убежище. Со всех сторон в табор ворвались несколько десятков вооружённых саблями всадников. Они сразу же начали избиение беззащитных людей. Воздух наполнился воплями отчаяния и мольбами о помощи. Некоторые из янычар спешили и стали обыскивать кибитки. Всё ценное немедленно исчезало в кожаных мешочках, прикрепленных к поясу каждого из них. Между делом они расправлялись со всеми, кто попадался у них на пути. Возле одного из костров заматалась женщина в монашеском одеянии. Ноги у неё были босы. Женщину окружили несколько янычар. Вначале они сорвали с её головы накидку. Затем со смехом стали подталкивать к костру. Ей приходилось постоянно выворачиваться. В виду этих, очень нелёгких усилий, женщине приходилось постоянно перебегать через костёр. Каждый раз, когда она это делала, раздавался крик полный боли, который тут же тонул во взрывах дикого хохота. Не выдержав истязания, женщина бросилась в проход между двумя янычарами. Ей удалось прорваться. Она побежала со всех ног. Один из янычар вытащил из-за пояса кинжал и, размахнувшись, швырнул его ей вдогонку. Кинжал, прочертив в воздухе несколько оборотов, ... воткнулся в спину женщину. Издав вскрик, она сделала ещё несколько шагов и упала навзничь, раскинув руки. В этот момент воздух разрезал крик полный боли и ярости:

– Ма...м... а...

Одинокий всадник... он появился внезапно. Соскочив на скаку с седла, он бросился к женщине. Встав на колени, он подsunул руки под тело женщины и осторожно перевернул его. Увидев безжизненно закрытые глаза, он снова закричал и прижал тело к груди. Всего лишь несколько мгновений, он находился в таком положении. Мужчина положил тело обратно и поднялся во весь рост. Он был одет как дервиш. Простая рубашка с открытым воротом и потрёпанные шаровары. За поясом торчала сабля. Лицо же... было искажено яростью... Он медленно вытащил из ножен саблю. Янычары посмеивались, видя этот жест, и указывали на него руками, называя его безумцем. Но очень скоро им пришлось пожалеть о своей беспечности. Первая же атака незнакомца оставила на земле два мёртвых тела. Он двигался с непостижимой быстротой и великолепно владел саблей. Оставшиеся в живых четверо янычар поняли всю опасность своего положения слишком поздно. Незнакомец уложил одного за другого всех четверых на землю. Воздух прорезал яростный крик:

– Поймайте живьём этого шайтана!

Не успел крик отзвучать, как около двух десятков пеших и столько же конных янычар бросились на человека, которого вначале приняли за дервиша. А возможно, он таковым и являлся. Дервиш, как называли его янычары, не стал ждать нападения. Он бросился в сторону повозки. Добежав до неё, он одним махом перебросил через неё своё тело и на всей скорости залетел в кибитку. Пробежав по разбросанным вещам, он распахнул полог с другой стороны. Его уже ждал всадник с поднятой саблей. Не раздумывая ни мгновения, он бросился на всадника и сбросил его с седла. Схватившись друг с другом, они покатались по земле. Изловчившись, дервиш вначале прижал янычара к земле, а потом быстро воткнул ему в грудь саблю и бросился к лошади. В одно мгновение, он вскочил в седло. Его уже окружали. Он бросил коня в свободный проход и, прорвавшись сквозь окружение, начал быстро удаляться.

– Не дайте ему уйти, – раздался тот же голос, который тут же изрыгнул поток проклятий. Дервиш и не собирался уходить. Он остановился, развернул коня и бросился в одиночку на янычар. Ему наперез бросились сразу несколько всадников. Он не стал уклоняться от боя и погнал коня им навстречу. Ещё мгновение, и они встретились. Посыпались искры. Дервиш то вставал в стремени, то неожиданно ложился на круп лошади, с непостижимым проворством уходя от смертельных ударов и одновременно успевая атаковать. Неожиданно для всех, он пришпорил лошадь и поскакал галопом вперёд. Позади него два мёртвых янычара свесились с сёдел. В воздухе раздалась испуганные крики...

– Шайтан...шайтан...

Тем временем дервиш двинулся на пеших янычар. Достигнув их, он начал кружить на лошади, сыпля ударами во все стороны. Казалось ещё немного, и он уничтожит их всех. Но в этот момент за спиной дервиша показались два всадника. Они несли на скаку раскрытую сеть. Поглощённый сражением, дервиш не сразу заметил опасность. И это промедление оказалось для него роковым. Всадники накинули на него сзади сеть, а в следующее мгновение опрокинули на землю и связали. Уже связанным его поставили на ноги. Один из янычар подошёл к нему и внимательно осмотрел с ног до головы. После осмотра, он громко спросил у одного из своих людей:

– Сколько убил этот шайтан?

– Пятнадцать...господин! – раздалось в ответ.

– Пятнадцать, – зло повторил янычар и устремил угрожающий взгляд на дервиша. Тот встретил этот взгляд презрительной улыбкой и таким же презрительным тоном произнёс:

– Вы шакалы...только и можете, что убивать женщин и детей.

Услышав эти слова, янычар вытащил из сапога кнут и стеганул им по груди дервиша. На рубашке дервиша тут же появился своеобразный прорез, из которого начала выступать кровь. Однако на лице не дрогнул ни один мускул. Последовал второй удар, приправляемый потоком ругательств. Появился второй прорез. В ответ лишь презрительное молчание. Было нечто такое в выражение лица этого дервиша, что не позволило его дальше избивать. Янычар спрятал кнут обратно и коротко приказал своим людям:

– Привяжите его к лошади! Повезём в крепость. Там и решим, как с ним поступить!

Второй конец веревки, которой был связан дервиш, прикрепили к седлу лошади. Лошадь пустили рысью. Верёвка дёрнулась. Дервиш вначале свалился. Но тут же сумел подняться и побежал вслед за ней. Глядя вслед своему пленнику, янычар пробормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.